

КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ

№ 3
(132)
лето
2005
года

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОМЕРУ СТИХИ В ДОРОГУ

Павел Голосов «Есть в колосе души моей...»,
«Травы падают...» 2 стр.

КАЦКИЙ СТАН СЕГОДНЯШНИЙ
Современные новости древней Кадки 3 стр.

ПЕРЕПИСЬ «КЛ»
Ординский детский сад 4 стр.

ФОТОСНИМОК НОМЕРА
«Сельская, церковно-приходская...» 5 стр.

К 150-ЛЕТИЮ НЕФЕДЬЕВСКОЙ ШКОЛЫ
Татьяна Третьякова
«Во времена земские, дореволюционные» 6-8 стр.

ПАМЯТИ ЗЕМЛЯКА
Надежда Чернышова «Прошел год, как мамы не стало»
9 стр.

ИСКИРЬКИ
Коротко о Кадке и кацкарях 9 стр.

Я ПОКОНУ КАЦКОГО
София Иванова-Шершнева «Книга о родных» 10-13 стр.

НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ
Кирилл Воронов «С компьютером на «ты» 13 стр.

ЕЩЕ ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ
Римма Сахарова «Братья наши меньшие» 14 стр.

ПРОГУЛКИ ПО МУЗЕЮ
Сергей Темняткин «Прогулка вторая:
Милая мила в сени ходила» 15-21 стр.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ
Валентина Иванова «Была и в Толстикове школа» 22 стр.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ
Как в Музее кацкарей... 23 стр.

КАРТА ОТ «КЛ»
План Нефедьевской школы 1912 года 24 стр.

Журнал краеведов
Кацкого стана
(волости Кадки)
«Кацкая летопись»
№ 3 (132)
лето 2005 года
Редактор
С.Н. ТЕМНЯТКИН
Секретарь
Н.В. РУМЯНЦЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 152846
д. Мартыново
Мышкинского района
Ярославской области
ТЕЛЕФОН
В МАРТЫНОВЕ:
(08544) 3-27-36
САЙТ В ИНТЕРНЕТЕ:
KL-21.narod.ru
АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:
<KL-21@list.ru>

Журнал является
преемником газеты
«Кацкая летопись»,
выходившей
в 1992-2002 гг.

ИЗДАТЕЛЬ
некоммерческая
организация КЛУБ
«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

«КЛ» ждет помощи!
Наши банковские реквизиты:
ИНН 7619002912
КПП 761901001
расчетный счет
40703810077150110020
В Угличском ОСБ РФ
№ 2532/056,
корр. счет
30101810500000000670
БИК 047888670
КЛУБ
«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

© «Кацкая летопись»
Перепечатка –
обязательно со ссылкой
на «КЛ»

Номер набран и сверстан в
МУ «Редакция «Угличская
газета» (г. Углич)
Отпечатано
в ОАО «Полиграфия»
(г. Ярославль)
Заказ 3766
Тираж 550 экз.

Стихи в дорогу

ЕСТЬ В КОЛОСЕ ДУШИ МОЕЙ...

*Есть в колосе души моей частица.
И пусть не в каждом, пусть всего в одном;
Мои ладони – полевые птицы –
Пропахли солнцем, травами, зерном.
Спешат по полю дождики косые,
Согреет солнце, ветер прошеуршит –
Стоят колосья, набирают силу
И для себя, и для моей души.
Парю над полем сам уже, как птица,
Ловлю тепло вздыхающей земли;
Теперь и я лишь малая частица
Всего того, что нам подарит жизнь.
А в остальных колосьях души предков –
Всех, кто к земле той руки приложил,
Прислушаешься к полю и нередко
Услышишь шелест – шепот у межи.
Неласковое северное небо.
Пришел мужик и полечко вспахал.
И бросил зерна – жизнь поднялась хлебом,
И стало то началом всех начал.*

ТРАВЫ ПАДАЮТ...

*Травы падают под косой –
Вот и кончилось для них лето:
Не порадует дождик босой,
Не увидит цветного рассвета.
А какая была весна!
А какие грозы шумели!
Тихо в поле. Над лесом луна,
Как младенец, в резной колыбели.
Новый день сокращает лето,
Все темней и длиннее закат;
Скоро с ветром растерзанных веток
Листья желтые полетят.
Но оставлены семена,
Корни в землю вцетились тоже.
Выжить в стужу – и будет весна,
Снова к жизни разбудит дождик!
Павел Николаевич ГОЛОСОВ,
С. Ордино, Нижняя Кадка*

Уважаемые читатели!

В этом году выйдут еще два номера «Кацкой летописи»:
№ 4 – специальный выпуск-сборник стихов П.Н. Голосова (его
получат те, кто специально на него подписался);
№ 5 – очередной (его получают все наши подписчики).

ПОПРАВКА

В № 2 за 2005 год на 3-й странице в корреспонденции «Ушел на пенсию
фельдшер» была допущена досадная ошибка в имени платуновского
фельдшера Валентины Николаевны Тороповой. Приносим извинения и
впредь постараемся быть более внимательными.

Кацкий стан сегодняшней

В Верхней Кадке

Заложники бездорожья

Заложниками бездорожья оказались 60 жителей Верхней Кадки, что в Некоузском районе. От райцентра Нового Некоуза до центральной усадьбы здешнего колхоза «Восьмое марта» Галицына примерно 25 километров: около 20 из них, до Гусева, относительно проезжая трасса, в советскую бытность заасфальтированная; остальная же часть – размытая колея, по которой и в сухую погоду на машине едва проберешься. Но тяжелее всего приходится обитателям деревни Плишкина Покровского. Им до асфальта надо топать не менее восьми километров. Такие деревни в России обычно называют вымирающими, но ведь люди-то там – живые. А как жить?

Тамара Павловна Пушкина из Плишкина уверяет, что почти невозможно. Уже давно женщина обивает пороги районной администрации с просьбой не то чтобы заасфальтировать, но хотя бы засыпать большие канавы, и все без толку. В местном бюджете денег на это нет; глава округа Сергей Иванович Королев неоднократно поднимал вопрос перед руководством области, но пока строить дорогу ради полусотни жителей никто не собирается.

Тамара Павловна, кстати, предпоследний председатель бывшего колхоза, рассказывает, что до развала сельхозкооператива трассу худо-бедно обихаживали местные трактористы. Но несколько лет назад земля вместе с техникой перешла в руки частного предпринимателя. Скотину он тут же перерезал, и сельхозпроизводство само заглохло. Не на чем стало доставлять продукты в галицынский магазин – единственный в округе. Тамара Павловна работает в нем продавцом, а ее муж дважды в неделю возит товар на собственном «уазике». Райпотребсоюз платит ему 1000 рублей ежемесячно и выдает деньги на бензин. Однако за пару лет езды по ухабам машина превратилась в развалюху.

– Я просила в райпотребсоюзе зарплату мужу повысить или деньги за аренду машины платить, либо другой транспорт предоставить, а то ведь скоро не на чем ездить будет. Однако мне ответили: «Магазин убыточный, и все, что мы можем делать для его существования, мы делаем, а больше не можем. Лучше уж вообще его закрыть».

И хотя в районной администрации уверяют, что этого не случится, жители все равно опасаются – ситуация ведь может попросу зайти в тупик. Тамара Павловна уверяет, что денег на доставку продуктов уходит очень много. Например, в слякоть на «уазике» до Галицына и вовсе не доехать – приходится нанимать лошадь, опять же за свой счет, перекидывать всю снесь в телегу и, как в старые добрые времена, везти все это в магазин. А по весне дорогу так размыло, что выехать вообще никуда нельзя было, и месяц люди сидели без хлеба.

Есть в Галицыне почта и медпункт. Почтальон и фельдшер к людям ездят

на лошади или идут на своих двоих – в зависимости от погоды. Впрочем, говорят, медпункт в ближайшем будущем прикажет долго жить. У фельдшера сын в этом году пойдет в первый класс, возить его каждый день в школу в Новый Некоуз невозможно, а отдавать ребенка в интернат женщина не хочет. И потому намерена перебраться поближе к цивилизации. Добровольцев занять ее место пока нет – местные в основном пенсионеры, а молодежь в заброшенный край никаким калачом не заманишь.

У самой Тамары Павловны четверо детей. Старшего буквально на днях отправила в армию. Торой, Павлик, заканчивает одиннадцатый класс в Новом Некоузе. Его и восьмиклассницу Сашу пришлось отдать в пришкольный интернат. Ожидает эта участь и шестилетнего Мишу. Конечно, нелегко матери расставаться с младшеньким, хотелось бы, чтобы он был рядом, но иначе никак. Из Гусева ребятешек забирает школьный автобус, но туда ведь как-то добраться надо. Летом на машине, зимой на «Бурани», который тоже на ладан дышит, а в распутицу что, детям дома сидеть? Говорят Пушкиным: «Да уезжайте вы из этой дыры!»

– Но куда нам переезжать? – вздыхает Тамара Павловна. – Во-первых, здесь мои родители, о которых надо заботиться. Во-вторых, хозяйство: скотина, куры, пчелы. А в-третьих, где мы будем жить? Наш дом особо никому не нужен, его не продашь, а если купит кто, то за небольшие деньги.

Но если вдруг уедут Пушкины, как семья фельдшера, местным старикам не выжить. Кто позаботится о них?

– Вы знаете, мне кажется, что сейчас строить дороги в этих местах поздно, – сказал Сергей Григорьевич Лапунин, заместитель председателя райпотребсоюза. – Мы опоздали лет на 20-30. Тогда ситуацию еще можно было поправить, а теперь уже вряд ли. Людей, конечно, на произвол судьбы не бросим, дотянем...

Вот только до чего? Разве что до полного вымирания.

Екатерина АБРАМОВА,
(«Северный край»)

РОЖДЕСТВЕНО

ЧТОБЫ БЫЛО ГДЕ ГОЛОВУ ПРЕКЛОНИТЬ. Братская могила летчиков 42-го Краснознаменного авиационного полка дальнего действия, расположенная на здешнем кладбище, в юбилейный год Победы официально признана объектом культурного наследия народов Российской Федерации. В ней покоятся останки летчика старшины Сергея Овсянникова, штурмана старшины Александра Петропавлова, стрелка-радиста младшего сержанта Петра Семенова и воздушного стрелка младшего сержанта Тимофея Лямина, разбившихся в окрестностях села в ночь с 9 на 10 декабря 1942 года вместе с упавшим бомбардировщиком. Согласно «Охранному обязательству», подписанному Рождественской сельской администрацией и департаментом культуры и туризма Ярославской области уже заменили старый обветшалый обелиск и ограждение вокруг него – торжественное открытие обновленного памятника состоялось 7 мая 2005 года.

МАРТЫНОВО

ОСТАЛИСЬ БЕЗ ЛОШАДЕЙ. Сразу четырех лошадей лишился здешний СПК (колхоз) «Верный путь» в одну из июньских ночей: неизвестные завели их на кучу песка, запасенного для ремонтных работ дорожниками, и с этой кучи погрузили в крытую фуру. Украли бы и больше, да спугнула местная молодежь, возвращавшаяся в четре утра с гулянья из Рождествена. Похитители сочли за благо скрыться, отпустив приведенных для погрузки еще двух, на этот раз уже частных, лошадей. Пока соображали, что видели ограбление, да пока вызвали милицию, бедных животных, думаемая, уже зарезали и сдали на какой-нибудь мясокомбинат. Кстати, за последние три года в «Верном пути» украли уже восемь лошадей; для кого растим, для грабителей что ли?

ПЛАТУНОВО

ВЕРНИСАЖ СТАРИННЫХ ФОТОГРАФИЙ. Здешняя сторона и по сей день населена: в Платунове, Костеве, Гридине, Яскове, Крайнове и Толстикове проживает 181 человек. А ведь были еще и Черницыно, и Ескино, и Козлово, и Мартынкино... Судьбой существующих и разрушенных деревень, их жителями давно интересуется платуновский библиотечкарь Валентина Николаевна Иванова, в библиотеке которой часто завязываются на эту тему долгие и интересные беседы. Часто читатели приходят с фотографиями, которые Валентина Николаевна копирует в городе (на свои деньги!) и оформляет в специальные альбомы. А за их просмотром – новые разговоры и новые воспоминания... Как здорово, что не прерывается нить времен и что есть живая душа этого дела – Платуновская библиотека!

Сергей ТЕМНЯТКИН

Перепись «КЛ»

Ординский детский сад

Завершая очередной круг нашей рубрики, а именно перепись детских садов Кацкого стана, напомним, что их ныне существует четыре: в Мартынове, Рождествене, Ордине и Платунове (балакиревский детский сад «Мотылек» закрылся, к сожалению, в середине 1990-х годов). Однако, самостоятельным юридическим лицом на сей день является лишь рождественский «Василек»; мартыновский, ординский и платуновский детские сады входят в структуру тамошних школ, числясь в них дошкольными группами. В отделах образования «КЛ» объяснили, что так выгоднее: на содержание школы-сада государство выделяет больше средств, нежели обыкновенной школы. Потому-то в планах мышкинской администрации уже в этом году и рождественский детский сад объединить с Рождественской школой.

Ну а на загладочку – знакомство с Ординским детским садом. Напомним, что о Платуновском детском садике сведения можно почерпнуть в «КЛ» № 2 (весна) 2004 года, Мартыновском – в № 1 (зима) 2005 года и о Рождественском – в № 2 (весна) 2005 года.

1. Полное название: дошкольное образовательное учреждение «Ординский детский сад».

2. Юридический адрес: 152643, д. Воронцово Угличского района Ярославской области.

3. Год основания: 1988 год.

4. Число групп: в детском саду одна разновозрастная группа.

5. Число детей: на 1 января 2005 года было 3 ребенка – 1 мальчик и 2 девочки. (Но имеется резерв: в силу разных причин 7 детей в округе детский сад не посещают).

6. Из каких селений посещают детский сад ребята, какое из них удалено всех более: из деревень Богданки и Воронцова. Далее Богданка – в двух километрах.

7. Организован ли подвоз детей? Подвоз детей из Богданки осуществляется школьным автобусом.

8. Список воспитателей, педагогический стаж (в скобках – в стенах данного детского садика):

ВИХРОВА Ирина Владимировна – воспитатель – 12 (2);

ЖЕСТЯНОВА Наталья Витальевна – помощник воспитателя – 2 (2).

9. Награды и звания воспитателей: пока нет.

10. Число воспитателей с высшим образованием: нет.

11. Число воспитателей – уроженцев Кацкого стана: 2.

12. Заведующий: директор Ординской общеобразовательной школы Павел Николаевич Голосов.

13. Основные направления работы детского сада по дошкольному образованию: в течение шести лет Ординский детский сад работает по комплексной «Програм-

ме воспитания и обучения в детском саду», которая предполагает самую разнообразную деятельность: игровую, трудовую, учебную, художественную.

14. Традиционные мероприятия: поскольку детей мало, в детском саде проходят мероприятия совместные с начальными классами Ординской школы.

15. Общесельские мероприятия, в которых участвует детский сад: малыши нередко бывают гостями на школьных мероприятиях.

16. Имеется ли при детском саде огород: огород имеется при школе.

17. Организовано ли питание детей? Разумеется: завтрак, обед и полдник. Приготовление пищи осуществляется в школьной столовой.

18. Есть ли детская пло-

щадка? Есть.

19. Сколько зданий занимает садик? С 1998 года детский сад располагается в здании Ординской основной общеобразовательной школы.

20. Краткое описание здания: школьное здание типовое, кирпичное, одноэтажное, построено в 1984 году. Имеются столовая, водопровод, канализация; отопление совместно со школой от школьной котельной, электрическое.

21. Работает ли родительский комитет? Отдельно своего нет; если есть потребность, связанные с детским садом вопросы решаются на общешкольных родительских собраниях.

22. Имеется ли орган самоуправления? Воспитатели детского сада участвуют в школьных педсоветах.

23. Основные проблемы. Кроме малого количества детей, характерного для сельских садов вообще, недостаточна и материально-техническая база: недостает постельных принадлежностей, спортивного инвентаря, технических средств обучения. Требуется обновление мебели.

24. Есть ли телефон? Есть, 4-41-66.

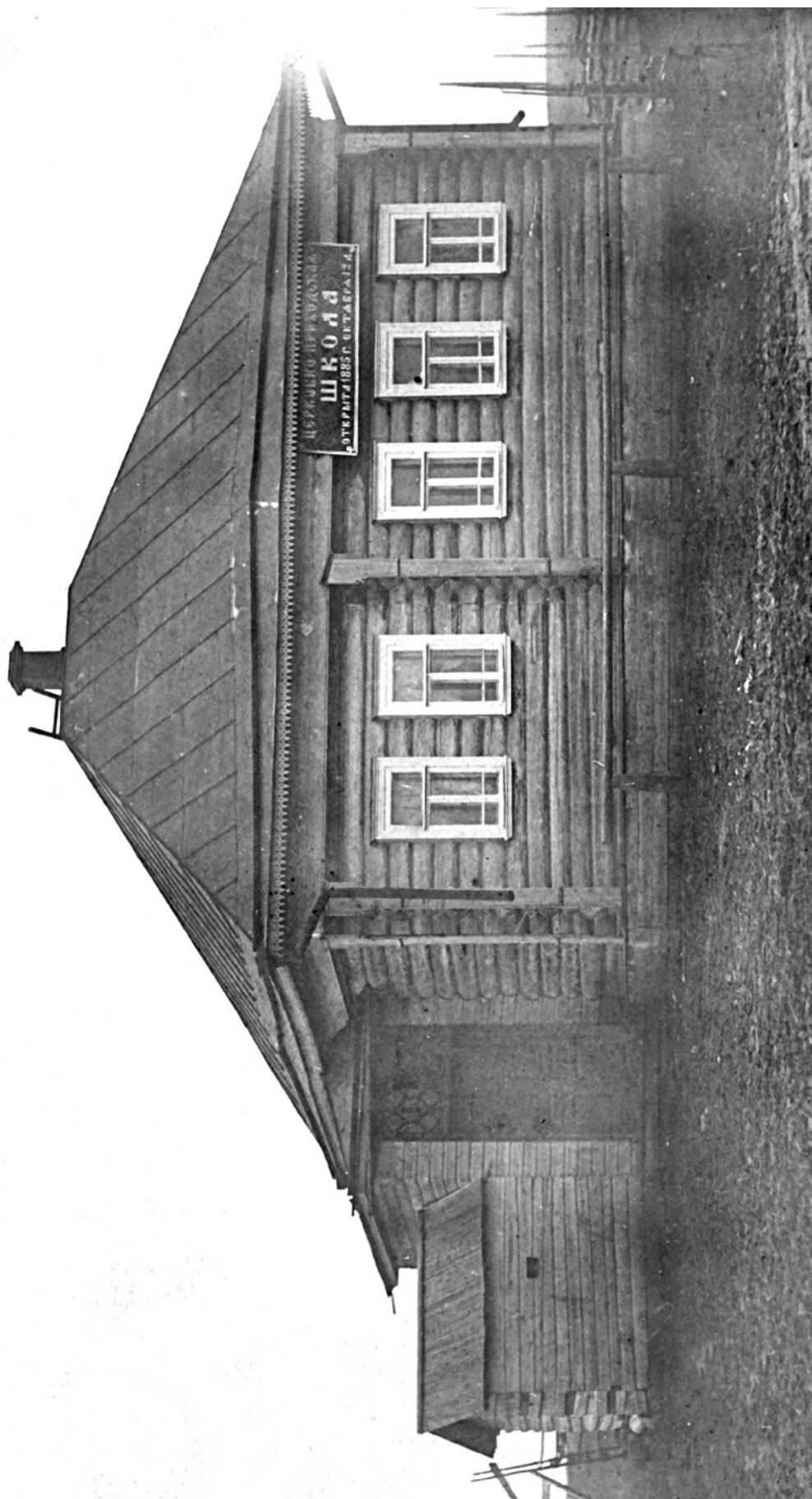

А Маше Журавлевой в детском саду нравится!

Фото С. ТЕМНЯТКИНА, 2005 год

Фотоснимок номера

Сельская, церковно-приходская...

ЗДАНИЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ В НИКОЛО-ТОПОРЕ. Конец XIX века (Примерно так в то время выглядели все сельские школы России).

Снимок из собрания Этнографического музея кацкарей

К 150-летию Нефедьевской школы

ВО ВРЕМЕНА ЗЕМСКИЕ, ДО РЕВОЛЮЦИОННЫЕ

Одной из неустойчивых в структурном отношении сфер государственной деятельности является народное образование, что представляет определенную сложность в изучении данного вопроса, пониманию которого способствует знакомство с историей отдельно взятого образовательного учреждения. История Нефедьевского училища занимает в этом ряду совершенно конкретное место, отражая процесс развития школьного образования на определенной территории Кацкого поречья.

Знакомство с Нефедьевским училищем, пожалуй, следует начать с его здания. С момента открытия училища в селе Нефедьево Кацкого стана оно занимало различные помещения, арендуя их в домах местных жителей или находясь при волостном правлении, не имея отдельного собственного здания. Найм помещения оплачивался по договору.

В отдельном собственном здании Нефедьевское училище размещается с 1890-го года. Здание строилось специально под училище, затраты на строительство составили 850 рублей общественных денег (то есть денег местного сельского общества). Под здание в Нефедьево отвели 50 квадратных саженей земли, что в

единицах площади по современной системе измерений составляет около 0,03 га (или около 3-х соток).

В это же время на содержание Нефедьевского училища переведен по земству денежный кредит бывшего Шипиловского земского училища Мышкинского уезда, преобразованного в церковно-приходскую школу.

Первоначально выстроенное деревянное здание, крытое дранкой, требовало затрат на содержание, которые не могли оплачиваться в полной мере по причине ограниченных средств сельского общества и недостаточного финансирования на строительные нужды от земства. Поэтому здание постепенно ветшало, несмотря на

текущие ремонты, незначительные перестройки и благоустройства, которые проводились достаточно часто, но некачественно. Уже на 1894 год по состоянию здания Нефедьевского училища следующие замечания: плохо промшено и не проконопачено, зимой очень холодно, нельзя правильно вести занятия, требует ремонта.

Значительные работы проводятся в 1905 году. Тогда здание покрыли железом, по возможности утеплили, укрепили внутренние перегородки.

В 1909 году переклали печи, сплотили с проливкой потолок и полы. Поскольку Нефедьевское училище как ранее существовавшее не подходило под финансирование из школьно-строительного фонда имени Преобразователя России Петра Великого, положение о котором было Высочайше утверждено 22 июня 1909 года, все работы проводились на средства сельского общества и немного на дотацию мышкинского земства.

К 1912 году здание оценивается в 2300 рублей, его страховая сумма в Ярославском губернском обществе в 8 рублей 33 копейки. Однако на все попытки достойного содержания училища из года в год при проверках о здании схожие замечания: общее впечатление – мало света, запущенное, неудобное, неплотные переборки, худые пазы, отхожие места холодные.

Объем здания исчислялся в длину 19 1/2 аршин (около 13,85 м), в ширину 13 аршин (около 9,23 м), в высоту до крыши 6 аршин (около 4,26 м). Площадь классного помещения составляла 84 квадратных аршина и 6 вершков (около 43 м²) с семью окнами размером в 2 аршина в высоту (1,42 м) и 1 1/4 аршина в ширину (1,24 м), по одной форточке в раме, которые использовались для естественной вентиляции помещения.

Здание отапливалось тремя печками. К 1914 году в освещении были освоены керосиновые лампы.

Вид на село Нефедьево, в котором в 1855 году и была открыта первая в Кацком стане государственная школа. Свидетелем тому осталась лишь каменная церковь Обновления Храма Вознесения Господня 1822 года постройки, переделанная, кстати, в 1950-е годы под Нефедьевскую же школу...

Фото Евгений Розова (д. Мартыново), 1999 г.

Тогда же кроме классного помещения в здании были оборудованы и две комнаты для учащихся (то есть учителей), поскольку они чаще всего жили при училище. Ученики же после занятий уходили домой, так как ночлежного приюта при Нефедьевском училище не имелось во весь дореволюционный период его существования.

Не было при училище организовано и «горячих завтраков», как в некоторых других учебных заведениях по уезду. В отчетах по Нефедьевскому училищу в графе о питании указывалось, что дети «приносят из дому хлеб». Также не имелось при училище ни сада, ни огорода, ни пасеки, как при некоторых училищах Мышкинского уезда.

Но училище не было в числе худших. Несмотря на возникающие бытовые трудности, процесс обучения не прерывался и, порой, даже отмечались определенные успехи. Так, в середине 1890-х годов училище отнесено к числу хороших и отмечен училищный хор, устроенный учителем Александром Наградовым. Хор пел в местном храме, хоровое пение молитв практиковалось ежедневно перед уроками и после их окончания.

Не обходилось без замечаний по процессу обучения. Так, в 1872 году отмечены весьма неудовлетворительные успехи учащихся в чтении.

Училище посещали дети из деревень Богданка, Трошеево, Ельцыно, Якучево, Плишкино, Авдево и села Нефедьева.

В разные годы число учащихся было различно, но чаще количество мальчиков преобладало над количеством девочек. Число же окончивших было незначительным, но стабильным. К примеру, 1878/79 годах обучалось 43 мальчика и 5 девочек, окончил — 5 мальчиков; 1881/82 годы — мальчиков 44, девочек 4, окончил 5 мальчиков и 1 девочка; 1890 год — из общего числа 48-ми учащихся окончил 5, трое получили похвальные листы; 1894/95 годы — мальчиков 29, девочек 18; на 1 ноября 1913 года — мальчиков 42, девочек 24, к экзаменам допускались 4 мальчика и 3 девочки; 1914/15 годы — мальчиков 26, девочек 17; 1915/16 годы — мальчиков 28, девочек 19; 1917 год — мальчиков 22, девочек 28, окончили 1 мальчик и 1 девочка.

Начало учебы в числах колебалось, что зависело от многих

причин (погодные условия, неукомплектованность штата, болезни учителей и прочее), но не выходило за рамки начала сентября-ноября с окончанием в конце марта-апреля месяцев.

В разные годы состав учащихся был разный, но обязательно при училище состоял законоучитель и 1-2 учителя. Хотя, к примеру, в первые десятилетия существования училища там нередко преподавали только местные священники в единственном числе.

Законоучителями чаще всего состояли священники Нефедьевской церкви, получая за труды по 30-60 рублей в год. В разное время Закону Божьему детей обучали о. Павел Дмитриевич Велкосельский (с 27 января 1887 года до 1890-х годов, выпускник Ярославской духовной семинарии), о. Иван Васильевич Мансветов (с 5 марта 1899 года по 1909 год), о. Петр Викторович Лебедев (с 1909 года до 1917 года, выпускник Ярославской духовной семинарии).

В Нефедьевском училище преподавали Александр Алексеевич Наградов (с 1 сентября 1891 года, выпускник Новинской учительской семинарии, в 1895 году переведен в Шестихинское земское училище), Константин Успенский (выпускник Ярославской духовной семинарии, переведен из Платуновского земского училища в 1895 году), Василий Антонович Соловьев (с 15 сентября 1904 года, выпускник Новинской учительской семинарии), Александра Васильевна Казанская (с 1910 года до 1917-го, выпускница Уг-

ЛИЧНЫЙ СО	
Название училища и места, где находится (город, селение с волостью, голя открытая). Почтовый адрес училища.	Должность, имя, отчество и фамилия каждого из преподавателей. Попечитель училища.
<p><i>Нефедьевское начальное земское училище находится в с. Нефедьево, Александровской волости Мышкинского уезда.</i></p> <p><i>Училище существует с времени Александра Первого и находилось при волостном правлении и в гасином домике; отданы же помещения для училища востроено и открыто в 1890-го года.</i></p> <p><i>Адрес учил.: Рождественская пойма станицы Мышк. уезда.</i></p>	<p><i>Законоучитель — св. о. Павел Дмитриевич Велкосельский.</i></p> <p><i>Учитель — Александр Иванович Наградов.</i></p> <p><i>Попечитель — профессор доктор Плишкин, Александр Иванович Успенский.</i></p>

То самое загадочное место в «Сведениях о Нефедьевском училище за 1912 год». В первой колонке его указывается, что «училище существует со времен Александра Первого», но Александр I царствовал в 1801-1825 годах. Так сколько же лет школе в Нефедьево?

Документ из собрания УФ ГАЯО: фонд 25, опись 1, единица хранения 14, лист 19-оборот

личской Марьянской женской гимназии), Екатерина Алексеевна Быкова (в 1911 году), Анастасия Константиновна Ушакова (с 1912 года, выпускница Ярославского Епархиального училища), Екатерина Васильевна Шилова (в 1917 году).

Жалование учителей составляло сумму от 200 до 360 рублей. Высшая оплата отмечается в 1912/13 учебном году — 300-360 рублей.

Труд учителя земского училища был достаточно тяжел, а порой и суров. Необходимо было наладить не только процесс обучения, но и следить за содержанием училища, создавать нормальные бытовые условия, зачастую не надеясь на помощь прислуги и, главное, завоевать доверие и уважение местного общества. Трудности создавала и отдаленность от уездного города: не всегда можно было вовремя доставить необходимое для работы. Но земцы, учи-

теля, попечители старались обеспечить нормальное существование училища.

Среди попечителей можно отметить крестьянина деревни Плишкина Алексея Ивановича Жестянова (с 1894 года), крестьянина Николая Васильевича Судакова (с 1898 года до 1900-х годов, выпускник Нефедьевского училища), Алексея Ивановича Соколова.

Попечительство главным образом выражалось в ходатайствах о выделении средств на училище, в незначительных личных денежных вкладах, в приобретении необходимого имущества, книг, учебников, в организации развлечений. Например, традиционно проведение новогодних елок.

Каким же имуществом располагало Нефедьевское училище?

В арендуемых помещениях набор предметов был минимален: что выделит из мебели владелец дома да что сможет принести учитель. Когда училище обзавелось собственным зданием, классное помещение оборудовалось в соответствии образовательного процесса, с годами все более и более обустраиваясь. Так, в 1890-е годы училище располагало десятью удобными партами, к 1914 году их число увеличилось до двадцати, при этом отмечалось, что неудобных парт не имеется.

К 1914 году в классном помещении Нефедьевского училища помимо 20-ти парт размещалось 3 стола с 2-я стульями для нужд учителей, шкаф, часы, одна керосиновая лампа, классная доска, дробные счеты, кубический ящик, глобус, волшебный фонарь для чтений, карта полушарий, карта Европы, карта России, стенные картины Священной истории.

Хозяйственный инвентарь был невелик: умывальник с двумя ковшами, два чугуна, топор, совок и тушилка.

В училище имелась библиотека. Формировалась она годами. Первоначально некоторые учебники были пожертвованы инспектором народных училищ Ф.И. Насиловым и частными лицами, но большую часть книги ученики покупали сами.

В начале 1890-х годов всех учебных книг в библиотеке насчитывалось 186, одно вспомогательное пособие и 15 книг для внеклассного чтения. Учебники и пособия формировали фонд училищной библиотеки, а книги для внеклассного чтения – так называемую домашнюю библиотеку. К

середине 1890-х годов библиотека насчитывала только учебников 262 тома (по 38 названиям), пособий и книг для учителей 21 том (по 17 названиям).

Далее объем библиотеки возрастал. К 1914 году формируется фонд периодических изданий, в частности выписывается журнал «Нива». Широко использовались задачки Арженикова, труды Беллюстина, Закон Божий о. Агафодора (Преображенского).

Существовали рекомендательные списки для приобретения учебников, пособий и книг для внеклассного чтения, предлагаемые инспектором народных училищ, Епархиальным училищным советом, Училищным советом при земстве, но нередко дополнительно библиотека фондировалась по вкусу учителей, попечителей, дарителей. В 1913 году из отчета по училищу следует, что учебников достаточно, но высылаются своевременно, снабжает Мышкинское уездное земство.

Ключевым вопросом для Нефедьевского училища было его финансирование, кстати определяющее его структурную соподчиненность. И здесь немало интересного. До этого времени мы говорили в основном о земском периоде существования школы в Нефедьеве, но она была основана годами ранее введения института земства.

Нефедьевском училище относилось к числу трех казенных училищ Мышкинского уезда, открытых в селениях государственных (экономических) крестьян. Оно находилось в ведении Министерства Внутренних Дел, средства на его содержание поступали из казны (из Министерства финансов) через губернские власти.

После введения в России в 1864 году института земства встал вопрос об изменении источника финансирования и подведомственности. Училище должно было быть передано в ведение земства. Но мышкинское уездное земство 1860-х годов было пассивно и сельское общество решило закрыть училище. С 8 декабря 1867 года содержание училища отнесено на счет губернского земства (из губернского сбора). В период 1869/70 годов Нефедьевское училище принято на счет мышкинского уездного земства и отнесено к сети земских училищ Мышкинского уезда. Однако, только к 1876 году окончательно разрешились вопросы финансирования и подведом-

ственности.

Нефедьевское училище содержалось на средства мышкинского земства, сельского общества и попечительские взносы. Поскольку обучения было бесплатным, то дополнительных денежных поступлений не имелось. Только лишь в 1890-м году по мирскому приговору плата за обучение могла взиматься с детей чужих приходов – по 1 рублю с ребенка.

В целом средства на содержание училища выделялись незначительные. К примеру, в середине 1890-х годов земством отчислялось 230 рублей годовых, сельским обществом от 19 до 50 рублей, попечительских взносов иногда и не поступало, а то и до 50 рублей с лишним (эта статья бюджета была очень не стабильной).

Итак, Нефедьевское училище. В настоящем очерке отражена лишь малая толика его истории. И точка на этом не должна ставиться. Всегда есть место поиска.

Например, даже дата основания училища. Официально утвердившаяся дата – 1855-й год. Но если просматривать документы по земской училищной статистике, то фигурируют и «1876-й», и «1890-й», и даже «1905-й», когда велись крупные строительные работы. Но интерес вызвала запись в статистическом отчете за 1894 год, где указывалось, что училище существует со времен Александра I, скончавшегося, как известно, в 1825 году...

Что это? Ошибка лица, ответственного за отчет по училищу или перспектива дальнейшего поиска?

Татьяна Анатольевна ТРЕТЬЯКОВА,
историк-архивист
г. Углич

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Угличский филиал государственного архива Ярославской области (УФ ГАЯО):-
фонд 25, опись 1, единицы хранения 14 и 124;
фонд 82, опись 1, единицы хранения 267, 284, 344, 514, 668, 917, 976, 1045, 1056, 14.
фонд 82, опись 2, единицы хранения 8 и 14;
фонд 116, опись 1, единица хранения 1.
2. «Сведения о начальных училищах Ярославской губернии за 1897-1898 год», Ярославль 1898 г.
3. «Сведения о начальных училищах Ярославской губернии и об окончивших в них курс за 1899-1900 учебный год», Москва, 1901 г.
4. «Очерк деятельности Мышкинского земства по народному образованию. 1865-1900 гг.», сост. К.Е. Ливанов, Ярославль, 1904 г.

Памяти земляка

Прошел год, как мамы не стало

Писать о маме, когда ее уже нет в живых, тяжело. Неутраченная со временем боль потери самого родного и близкого человека путает мысли. На глаза наворачиваются слезы. Я уже несколько раз брала в руки бумагу, но после одного-двух предложений дальше писать не могла. И вот все-таки собралась...

Нашу маму Лидию Михайловну Чернышову в Кацком стане знает не одно поколение его жителей. Почти тридцать лет она работала учительницей Рождественской средней школы. Основной предмет, который она вела, – география. Однако в годы ее работы в сельских школах недостаток учителей ощущался очень остро, и поэтому ей приходилось преподавать и другие предметы: ботанику, зоологию; вела мама и практические занятия на пришкольном участке.

Кроме того, учителя сельских школ вели большую общественную работу – особенно много ее было в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Мама вспоминала, как в период кампании подписания на Государственный заем приходилось ходить по деревням и убеждать людей в необходимости оказания помощи государству в восстановлении послевоенной разрухи. Порой оставались в домах до утра – до тех пор, пока люди не поставят свою подпись.

... Наша семья жила в деревне Говитанове. Мама с папой поженились в январе 1946 года и стали жить с родителями отца. На работу мама ходила за пять километров. В то время хороших дорог не было – ходили по грязи, по снегу. Но мама никогда не жаловалась на трудности.

А кроме работы есть ведь еще и семья, и личное хозяйство. Отец – участник Великой Отечественной войны. Ранение и контузия дали о себе знать: он много лет был на инвалидности, в том числе и первой группы. Основная забота по ведению домашнего хозяйства лежала на маме. У нас был огромный огород и всегда много скота: корова, а то и две, овцы, поросята, куры, гуси, утки. Семья большая – нас четверо детей, и мы с раннего детства помогали родителям во всех домашних делах.

Наша мама была человеком очень трудолюбивым, заботным, добрым и гостеприимным. Она всегда помогала людям, никогда никому не говорила грубых слов. Она очень любила печь пироги, преснушки, блины и олады.

Лидия Михайловна Чернышова
Фото из семейного альбома автора

А в молодости, как она сама о себе говорила, очень любила петь песни. Кстати, папа играл на гармошке...

Мы, дети, выросли, получили образование и все живем в Мышкине. После смерти отца, а это случилось в 1990 году, мама жила одна – никак не хотела расставаться с деревней, с домом, в котором жила все свои годы, с хозяйством. Однако возраст и здоровье о себе все-таки заявили, и она переехала жить к нам в город. Через полтора года тяжелая болезнь приковала ее к постели и на пятнадцать месяцев лишила способности не только двигаться, но и говорить. Поэтому мама умерла тихо и спокойно, не сказав никому ни слова.

Ей был 81 год. 15 июня была година, как нет нашей любимой мамы, старшей учительницы Рождественской средней школы.

Нашей мамы не стало, но есть мы – ее дети, внуки, правнуки. Пока мы живем, будем помнить о ней и скорбеть, что уже никогда она к нам не вернется.

Надежда Ивановна ЧЕРНЫШОВА,
г. Мышкин

Искирьки

Коротко о Кадке и кацкарях

САМОЕ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ на территории волости Кадки было в эпоху средневековья. По Угличским писцовым книгам XVII века можно узнать названия селений, существовавших на столетие раньше – в XVI веке: 9 сел, 8 погостов, 17, селец и 123 деревни. Всего 157 населенных мест и предположительно 2355 жителей в них. (Для сравнения: в 2001 году в оставшихся 80-ти кацких селениях проживало 2020 кацкарей).

ОСНОВАТЕЛЬ ДЕРЕВНИ ВАЛАКИРЕВА на речке на Пойге, судя по всему, был большущим человеком. Дело в том, что «балакирь» (иначе «болакирь») в древнерусском языке – большой глиняный кувшин. Иногда так и людей называли – полных, тучных.

В ЦЕРКВИ ОДИГИТРИИ СМОЛЕНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ, что стояла в селе Хороброве, по описи 1925 года находилось 128 икон, 35 богослужебных книг, 8 колоколов, предметов культа из чистого серебра общим весом 10,5 кг, не считая посеребренных и позолоченных вещей, мраморные одежды на жертвенники и престолы, облачения священнослужителей и прочая, прочая, прочая... В середине 1950-х годов церковь снесли, а куда все девалось – главный вопрос.

КАЦКАРИ ОРИГИНАЛЬНИЧАЛИ ВО ВСЕМ, вот и подкову не над дверью подвешивали, как повсюду на Руси, а прибавляли к рундуку (уличной площадке перед порогом) передним гвоздем к входной двери. Верили, что если случится зайти больному гостю, подкова не выпустит его болезнь, и хозяева останутся здоровыми.

ГРОЗА НЕ ВСЕГДА МИЛОСЛИВА. В церковной летописи села Юрьевского Средней Кадки имеется запись о том, что 19 мая (по новому стилю 31 мая) 1886 года грозой огромило крестьянина, пахавшего в полуверсте от села. И если самого мужика через полчаса все-таки привели в чувство, то двух его лошадей убило насмерть.

Я покону кацкого

Книга о родных

Окончание. Начало в № 4 (129), осень 2004 года, в № 1 (130) и № 2 (131) 2005 года.

ГЛАВА 5

Павел Кузьмич Шерстнёв и его семья

Из всех детей моего отца Кузьмы Федоровича с Кацким станом связала свою судьбу только семья его третьего сына от первого брака Павла (родился 29 июня 1906 года).

Павел, третий мой сводный брат, остался жить в Кузьма-Демьянке. Ему не исполнился двадцать один год, как он женился на симпатичной, острой на язык, веселой девушке «из своей деревни» Наталье Матвеевне. Кузьма Федорович пытался его отговорить от ранней женитьбы, надеясь за несколько лет поправить пошатнувшееся хозяйство и только потом отделить сына. Но Павел настоял на своем и после женитьбы ушел жить в большую семью к тестю. В 1929 году у Павла с Талиной (так все звали Наталью Матвеевну) родился первенец, но он рано умер.

Прожил Павел со своей семьей у тестя чуть больше двух лет. Что-то не заладилось, начались упреки, ссоры... Павел, выросший в доме, где всегда был мир, где даже на детей не повышали голос, не выдержал и решил покончить жизнь самоубийством. В июле 1929 года, накануне престольного праздника Кузьма-Демьяна, он пытался удавиться в бане, но его успели вынуть из петли. Разупосле этого Кузьма Федорович забрал Павла с женой жить к себе.

К тому времени у Кузьмы Федоровича с Евдокией Егоровной было трое маленьких детей. Около года прожили в тесной избенке эти две семьи, слившись в одну.

Началась коллективизация. Кузьма Федорович в числе первых вступил в колхоз, а зимой 1930 года со своей семьей переехал в село Юрьевское, оставив избу в Кузьма-Демьянке Павлу.

Павел тоже вступил в колхоз, работал в бригаде плотников, которая построила в деревне скотный двор, конюшню. Кроме того, Павел делал для колхоза сани, дроги, телеги. Та-

лина – рядовая колхозница на любую крестьянскую работу: косила, полола, жала, возила навоз на поля...

У Павла с Талиной родились еще два сына: Вениамин (в 1931 году) и Валентин (в 1938-ом).

В 1938 году отец Кузьма Федорович со своей семьей переехал из Юрьевского жить в соседний Угличский район. Поселились в деревне Иванисове, в трех километрах от Углича; жизнь здесь была значительно легче: на заработанный трудовень колхоз платил хорошо да и город рядом – дети могли учиться в десятилетней школе.

Кузьма Федорович пригласил побывать у него Павла с талиной, а если понравится, так и переехать. Они побывали, посмотрели, послушали и решили переехать! Продав Павел в Кузьма-Демьянке дом и приехал в Иванисово. Поначалу жили у Кузьмы Федоровича, а потом поставили свой собственный, купленный и перевезенный, дом.

В Иванисове Павел работал тоже плотником. Это был мастер высокого класса: все, что он делал, могло со временем стгнить, стгореть, но не сломаться. Я видела, как он делал дроги и сани для колхоза. Работал не торопясь, без натуги, красиво, весело, легко – поверхность каждой досточки зачищал и шлифовал до зеркальной поверхности. Все, что выходило изпод его пилы, топора, рубанка, фуганка, было прочно и красиво. Сколько в нем было навыков, смекалки и терпения, а т а к ж е

большой любви к э т о м у делу! Мне н р а в и лось смотреть, как он работает, наблюдать, как изпод его рубанка выскакивали кудря в ы е ароматные стружки. При этом он посто-

янно насвистывал какую-нибудь песню.

Талина работала на колхозном огороде. Задорную, своенравную да еще и острую на язычок, деревенские бабы приняли холодно, с нескрываеваемой враждебностью. И она не смогла приспособиться к новому окружению, затосковала...

И решили супруги вернуться в Кузьма-Демьянку! Продав Павел свой недостроенный дом в Иванисове и уехал с семьей обратно в Кацкий стан. В Кузьма-Демьянке приняли с большой радостью возвратившихся трудолюбивых работников. Павел опять плотничал и столярничал в колхозе, а Талина стала работать уборщицей и сторожихой в школе, не бросая работы и на колхозных полях. Школа занимала большой пятистенный дом, в одной ее половине и жила семья Павла.

Через год началась война. Глубокой осенью 1941 года Павла взяли в саперную часть (у него был неполноценный слух с детства), которая размещалась под Угличем на левом берегу Волги и занималась строительством противотанковых укреплений.

Зимой сорок первого в сильные морозы два раза Павел приходил к Кузьме Федоровичу в Иванисово поздним вечером – в легкой шинелишке, в ботинках с обмотками, голодный, продрогший, обовшивевший. Евдокия Егоровна спешила затопить

Наталья Матвеевна Шерстнёва с сыном Валентином (слева) и дочерью Геннадией Кузьмичом Шершнёвым (справа). Январь 1954 года, д. Кузьма-Демьянка.

Снимок из семейного альбома С.К. Шершнёвой-Ивановой.

печь, грела в чугуне воду помыться ему, прожаривала горячим утюгом его нательное белье, ставила самовар, кормила его щами и картошкой. Обогрешегося, вымытого, наевшегося досыта Павла сразу клонило в сон.

Как сейчас вижу его раскрасневшегося, сидящего на кухне за столом при слабом свете фитилька в консервной банке (лампу уже не зажигали, так как сэкономили керосин), со склоняющейся от дремоты головой. Как ему хотелось тут же лечь и выпаться в тепле и домашнем уюте! А ему надо было снова уходить в глубокую ночь, в трескучий мороз и идти опять километров 15 по замеченной снегом дороге под пронизывающим насквозь ветром, по морозу, хватающему лицо, руки, ноги, чтобы рано утром быть у себя в части. На прощание Евдокия Егоровна совала ему за пазуху краюху хлеба, набивала карманы его брюк и шинели вареной горячей картошкой – это все, что она могла дать.

Больше он не приходил, потому что его часть перевели на действующий фронт. Павел был несколько раз ранен, но раны были нетяжелые и, подлечившись в полевых госпиталях, он снова возвращался в свою часть. 26 декабря 1944 года на тридцать девятом году жизни он был убит в бою «за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество», как обычно тогда писали в похоронках, и похоронен в Венгрии в селе Сегхалом.

Осталась талина вдовой с двумя сыновьями: старшему Вениамину 13 лет, младшему Валентину – 6. Жила в Кузьма-Демьянке, приходилось трудно. Колхозе на заработанные трудодни платили мало, за работу уборщицы в школе получала жалкие гроши. Поддерживал свой огород – снабжал семью картошкой, капустой.

... Младший сын Павла и Талины Валентин закончил в Рождествене неполную среднюю школу. Жил там на квартире, домой в Кузьма-Демьянку приходил только в выходные дни. А потом, как поначалу и его старший брат Вениамин, работал в кузьма-демьяновском колхозе. Отслужив в армии, он уехал в Казахстан, там закончил курсы механизаторов сельского хозяйства, около года работал на целине и вернулся домой, в Кадку. Здесь он женился на дочери председателя колхоза Нине Александровне Галкиной.

Валентин работал в Передвижной Механизированной Колонне (ПМК), базирующейся в городе Мышкине. Мастерская колонны размещалась в полуразрушенном соборе села Рождествена, и Валя из Кузьма-Демьянки до Рождествена ежедневно добирался на мотоцикле, а из Рождествена рабочих ПМК везли на автобусе в Мышкин порядка 30 километров.

Вечером привозили обратно в Рождествено.

Валя работал на бульдозере и на осушенных болот в лесах района, и на строительстве и ремонте дорог. Жена Нина работала в колхозе. В Кузьма-Демьянке у них родился сын Виктор (в 1964 году), а в Рождествене – дочь Елена (в 1973-м).

Вспоминаю, как после длительного перерыва я в июне 1971 года побывала в Кузьма-Демьянке. Я с сыном Сережей во время отпуска приехала с Украины в Углич к брату Геннадью; с его женой Тосей и их дочерью Наташей мы решили навестить жену моего сводного брата Павла Талину, жившую со своим сыном Валентином, его женой и их сынишкой Витей в Кузьма-Демьянке.

Встреча была трогательной. С Талиной и Валеи я не виделась с 1956 года, когда они приезжали на похороны моего отца Кузьмы Федоровича. Жизнь меня закрутила, завертела, перебрасывая из одного конца света в другой, и я как-то совсем потеряла связь с Кузьма-Демьянкой.

Из худенького юноши, почти мальчика, Валя превратился в коренастого, крепко сбитого мужчину. Талина очень постарела. Познакомилась с Ниной, женой вали, и их сыном семилетним Витей. Он был изумительно рыжий, с красноватым отливом, как солнышко – точно такой же, как его собака Дружок; с белесыми бровками и ресничками и голубыми глазенками. Наташиному подарку – игрушкам – он был явно рад, даже не забыл сказать, шепелявя, «Шпасибо!» А мой подарок – книжки – пришлось не по вкусу. Сильно окая, сказал: «А книг-то у меня швоих до чорта в каждом углу валяётца!» Но когда я начала ему читать, слушал с удовольствием, широко и немигая открыв глаза. Очень понравилась ему книжка с рассказами о подвигах героев-танкистов и разведчиков. Слушал, затаив дыхание, приоткрыв рот, и все просил меня прочитать эту книжку снова и снова.

У него было свое «хозяйство»: собака Дружок, две кошки с котенком и ягненок Борька. И еще у него был друг Витька Кринкин из дома, что напротив, лет на пять старше его. Больше детей в деревне не было.

Жили они в пятистенном большом доме – том самом, в котором

Валентин Павлович Шерстнёв с сыном Витей (впереди), двоюродным братом Сережей Ивановым (крайний слева) и двоюродной сестрой Натальей Шершнёвой. Июнь 1971 года, д. Кузьма-Демьянка.

Снимок из семейного альбома С.К. Шершнёвой-Ивановой.

раньше была школа, да закрылась: не было учеников в опустевшей деревне. Жители постепенно покидали Кузьма-Демьянку; к 1971 году в ней насчитывалось всего лишь девять домов, но часть их пустовала, брошенная уехавшими хозяевами.

Я не нашла места, где был домик, в котором я родилась. Уже не было и тех трех берез, которые сажал перед окнами дома отец Кузьма Федорович, когда у него рождались сыновья: Иван, Петр, Павел... Даже пней от берез не осталось!

Талина показала, где стоял раньше дом. А соседний с нашим дом еще доживал свой век, вросший в землю, и смотрел на мир незрячими окнами без стекол. Полдома его пустовало.

Дорога из Кузьма-Демьянки становилась с каждым годом более непроезжей для мотоцикла, зарастала кустарником, летом заболочена, а зимой занесена сугробами снега. В 1972 году семья Шерстнёвых была вынуждена переехать из деревни в Рождествено, где поселилась в большом бревенчатом доме на две семьи.

В следующий мой отпуск летом 1972 года опять я с Сережей была в Угличе и мы ездили в Рождествено. Теперь кроме Тоси и Наташи с нами поехал и брат Геня – ему очень хотелось побывать на родине и повидаться с родными.

Как и в прошлом году, из Углича

до Мышкина плыли по Волге на метеоре, затем до села Шипилова – километров 15 – на автобусе. А дальше дорога неасфальтирована, и надо добираться до Рождествена километров 15-20 попутным транспортом.

Еще не было и семи часов утра, как мы уже в Шипилове – на окраине села у маленького прудика, на конечной остановке автобуса. Ждем попутного транспорта. Тро очень холодное, солнце совсем не греет и ветер пронизывающий, ледяной. Все мы от холода не то, чтобы посинели, – почернели уже. А машин в сторону Рождествена все нет и нет.

Мужичок из местных жителей, проходя мимо нас, сказал, что дорога от Шипилова к Рождеству сейчас непроезжая: настолько разбита, с такими глубокими колеями и такой грязью, что только на тракторе и можно добраться до Рождествена. «А трактор ходит ежедневно, – успокаивает он нас, – привозит из Рождествена молоко с фермы да почту в Мышкине забирает. А вообще-то, когда уж очень сырое лето и грязно, как сейчас, так и трактор не ходит, а молоко вертолетом привозят. Дорогу-то все улучшают да улучшают, с обеих сторон все на нее землю сыплют. Уж такие каналы повывалили, что один трактор завалился в этот канал, да и нашли-то его спустя полгода!»

И вот мы решаем, что предпринять: то ли назад возвращаться, то ли вперед двигаться. В любом случае – ждать: или автобуса на Мышкин, или трактора на Рождество. Что вперед будет – туда и поедем! А продрогли до того, что уже и говорить не можем, скулы свело и зубы стучат.

Сережа насобирав палочек да сучков; с Геней развели на берегу прудика маленький костерок. Греем руки, ноги. С нетерпением ждем девяти часов, когда откроется магазин, надеемся там обогреться, скрыться от холодного ветра. В магазине покупаю простые чулки, тут же натягиваю их на ноги, привязываю их выше колен резинкой-вздержкой, купленной тут же. Но и чулки не согревают моих окоченевших ног. Даже шутить уже нету сил, все помрачнели. А тут еще из сельсовета (с развевающимся вылинявшим красным флагом над углом), что напротив автобусной остановки, где мы спасательный костерок развели, выскочила женщина и накричала на нас, заставила костерок потушить.

И вот нам повезло! Вместо трактора мы дождались грузовую машину, крытую брезентом – какой-то мощный вездеход едет мимо Рождествена. Оказалось, что эта машина принадлежит строительной организации, продакдывающей газопровод «Сияние Севера». Трасса газопровода проходит мимо Рождествена, и машина едет туда.

Размещаемся в кузове на лавочках вдоль бортов. Кузове несколько

больших пустых металлических бочек, которые на сплошных дорожных ухабах легко прыгают от одного борта к другому, насакаивая на нас. Молча терпим, а иногда даже и шутками перебрасываемся, и даже смеемся. Настроение у всех поднялось – движемся к цели! Только одна Тося ворчит: «Черт ты дери-то, знала бы – ни за что не поехала!»

В Рождестве вываливаемся из кузова в колею. Колея глубокая, почти до колен мне, дно ее твердое. А между колеями и за ними вязкая грязь – мы же все в летних босоножках и лаковых туфельках! Как выбраться из колеи?

У Гении шаг широкий, ноги длинные – подхватил Тосю и перебросил ее на обочину. А я, не дожидаясь Гениной помощи, прыгнула сама, да так одной ногой в босоножке застряла в вязкой грязи, что еле-еле вытащила ногу из нее. Наташа и Сережа каким-то образом сами перелетели на обочину. Тут, на обочине, хоть и грязь, но не проваливаешься глубоко.

По другой стороне дороги, по тропинке, едет рыженький мальчик на велосипеде. Кажется, Витя. Кричу: «Витя, покажи нам, где вы живете?» Витя узнал нас, весел кричит: «Сами найдите!» – и уезжает дальше. У одного дома сворачивает и останавливается – значит, и нам туда. С большим трудом, держась за ограду парисадников, чтобы не утонуть в разбитой коровами грязи добираемся и мы. Опять радость встречи. Беспорядочные вопросы, ответы. И дальше – как обычно, обед с бутылкой водки, чай, бесконечные разговоры допоздна...

Геня и Тося уехали через день, им нельзя опаздывать на работу. Наташа осталась на несколько дней и тоже уехала – ее заели мухи да комары. А я и Сережа погостили дней десять.

С Талиной и отцом Нины, приехавшим навестить дочь из Некрасовского, мы с Сережей ходили в Кузьма-Демьянку. Это было последнее свидание с моей родной деревней. Грустное запустение... Мертвая тишина... В деревне уже не оставалось ни одного жителя.

Зашли в покосившийся Талин дом. Запах пыли и пустоты. Непрозрачные, как будто слепые, стекла окон. На подоконниках засохшие герани. Густо затянутая паутиной не-

София Кузьмовна Иванова с внучатым племянником Виктором Валентиновичем Шерстнёвым и его женой Мариной. Сентябрь 1987 года, с. Рождество в Кадке.

Снимок из семейного альбома С.К. Шершнёвой-Ивановой.

хитрая самодельная полочка на стене на кухне. Старый самодельный кухонный стол с безжизненно повисшей на одной петле створкой. Я подумала, что и кухонная полочка, и стол сделаны или руками брата Павла, или кем-то раньше в нашем роду. Ушли из жизни создатели этих вещей. Ушли из жизни и сами вещи, оставленные за ненадобностью хозяевами в мертвом доме, отслужив свой век.

Возвращаюсь к рассказу о родных – о тех из них, кто связал свою жизнь с кацкой родиной.

Нина в Рождестве работала на пекарне, а когда пекарня закрылась – поваром в больнице, а потом санитаркой. Талина жила с ними, нянчила внучат, ухаживала за скотом (они держали корову, несколько овец, кур), копалась в огороде, топила печь, готовила еду.

Я очень любила Талину – приветливую, веселую, никогда не унывающую, бойкую на слово. В молодости это была невысокого роста, стройная, с красивой фигурой, курносенькая, в веснушечках, очень милостивая, симпатичная женщина. С возрастом она как будто стала ниже ростом, пополнела, округлилась, но оставалась такой же шустрой, хваткой в любом деле. Умерла она в 1983 году, похоронена на Таралыковском кладбище.

Семья ее сына Вали и снохи Нины очень добропорядочная. Валентин уравновешенный, немногословный,

уважаемый всеми человек; был лучшим, безотказным работником в ПМК. Награжден за свой труд орденом «Знак Почета», медалями; его фотография на районной Доске Почета в Мышкине висела почти постоянно. А почетные грамоты и благодарности он получал от руководства района и ПМК к каждому празднику постоянно.

Теперь они обое на пенсии. Валентин – хороший семьянин, хозяин, Нина – отличная хозяйка; в доме у них всегда порядок и чистота. Можно сказать, что это образцовая семья, в которой царят уважение, любовь, доброжелательность.

Теперь они живут вдвоем, их дети живут отдельно со своими семьями: сын Витя рядом, дочь Лена – в Мышкине.

Виктор до армии закончил техникум, а после демобилизации работал на льнозаводе главным инженером. Льнозавод небольшой, построен в 1930-х годах и расположен в полукилометре от Рождествена. Когда-то на нем работали человек 50 – доводили льняную тресту до волокна.

С конца 1980-х годов колхозы значительно уменьшили посевы льна, завод стал часто простаивать и в конце концов остановился на неопределенное время. Были уволены все рабочие, кроме Виктора – его оставили «сторожить» завод, соответственно уменьшив зарплату. Он был вынужден уйти – сейчас работает участковым милиционером в Рождествене и окрестных селах.

Из ярко-рыжего мальчика с белесыми бровями Витя превратился в высокого, красивого, статного мужчину. Это умный, обаятельный человек, на редкость хороший семьянин, муж и отец.

Его жена Марина – симпатичная, очень женственная. Родом она из Суздаля, а после окончания Ярославской сельскохозяйственной академии была направлена в Рождествено, где работала в совхозе экономистом, а сейчас возглавила СПК «Оборона».

У них два сына: Саша (родился в 1988 году) и Юра (1989 года рождения). Живут дружно, учатся в школе. Саша принимает активное участие в художественной самодеятельности, хорошо танцует. Дети неизбалованны, послушны, хорошо воспитаны.

Живет молодая семья Шерстнёвых в своем просторном доме в поселке льнозавода Мерга. У них, как и у всех земляков-сельчан, свое хозяйство: корова, овцы, куры, около дома хороший огород. Во дворе у дома Виктор построил сарай, сарайчики, баню. Чувствуется, что плотницкое мастерство деда Павла передалось и его внуку...

София Кузьмовна ШЕРШНЁВА-ИВАНОВА,
п. Покотиловка (Украина) –
г. Углич

Немного об авторе

С КОМПЬЮТЕРОМ НА «ТЫ»

Интересные воспоминания может оставить только интересный человек – в этой прописной истине мы еще раз убедились, когда в очередном номере дружественной нам «Угличской газеты» прочли заметку о нашем теперь уже постоянном авторе С.К. Ивановой. Сразу решили перепечатать материал в «КЛ»: и читателям интересно, и для памяти сохранить надо. Ну а почитателям творчества Софии Кузьмовны сообщаем, что она написала еще одни воспоминания – о своем детстве, проведенном в селе Юрьевском. Опубликуем их, Бог даст, в 2006 году – не расставайтесь с «Кацкой летописью»...

София Кузьмовна Иванова – человек известный. К ней не раз приходили журналисты как телевизионные, так и из газет. Поэтому, когда я попросил ее о встрече, не было никакого ложного смущения. К моменту нашей беседы я уже знал, что ее сын живет и работает в Америке, что она к нему приезжает, но этого не хватает сыну и он подарил ей компьютер, чтобы чаще обмениваться письмами. А бабуля освоила от нечего делать одну из программ графического редактора и рисует теперь, выводя замысловатые картины на монитор.

Потом уже, когда наша встреча состоялась, я понял, что все не так просто. Мне представился шанс прикоснуться к миру теплых чувств и душевных мыслей. София Кузьмовна живо нарисовала мне картину благородных человеческих отношений эмигрантов, живущих в собственном трехэтажном доме в городе Балтимор, окончивших Московский физико-технический институт. Они не смогли приложить свои знания в родной стране, но сохранили там, за рубежом, островок лучших наших традиций...

История Сергея – сына Софии Кузьмовны – похожа на истории многих наших ученых. Уже с восьмого класса он стал мечтать о поступлении именно в МФТИ. После окончания школы он из Харькова отправился в Москву и неожиданно поступил. Писал по три письма в неделю, так что София Кузьмовна была осведомлена очень хорошо о своем сыне. На летние каникулы Сергей приезжал на два-три денька, а потом мчался в альпинистский лагерь на Северный Кавказ или в Азию.

Закончив физтех, он также, как его друзья, получил высокую квалификацию и в 26 лет защитил кандидатскую диссертацию. Какое-то время поработал программистом в вычислительном центре, но зарплата была мизерной. Чтобы как-то существовать в Москве, ему пришлось работать дворником сразу на четырех участках. Даже во время учебы ему удавалось зарабатывать больше, чем теперь.

Однажды Сергей приехал домой и скрылся в своей комнате. Затем он позвал маму и показал ей компьютер. «Это чтобы мы с тобой чаще общались!» Тут же он показал, как обращаться с «Макинтошем», попросил записать, но София Кузьмовна понадеялась на свою память. Когда сын уехал, она не смогла совладать с машиной, и компьютеру потребовалась реанимация. По телефону сын наговорил алгоритм действий, которые были тщательно записаны.

Интересно, что Сергей не стремился работать программистом. Дело в том, что в Москве он прошел платные курсы психотерапевта. Работая днем дворником, вечером он мчался в детскую больницу, где работал с детьми, не получая за это денег. Именно эту работу он считал важной и нужной. Она его окрыляла и позволяла пережить многие неурядицы. Но перед очередной аттестацией больницы Сергея попросили больше не приходить, так как он не имеет специального образования. Его разочарованию не было границ: «Теперь все равно кем работать». А так как он вошел в десятку лучших программистов тогда еще Советского Союза, то решил попробовать себя за границей, куда его давно звали сокурсники.

В 2001 году Сергей уехал в США и стал там работать программистом. В Балтиморе его друзья по университету снимали большой трехэтажный дом. Владельцы решили продать его, и Сергей, взяв солидный кредит, выкупил дом. Теперь он вместе с товарищами сообща выплачивает этот кредит.

Уже два раза гостила София Кузьмовна у сына. Но насовсем остаться в Америке она не хочет, поскольку ее родина здесь: родилась в Кацком стане, школу заканчивала в Угличе. Выбрав профессию геодезиста, полжизни провела на колесах. В конце концов оказалась в Харькове, где получила квартиру. Однажды утром она проснулась уже «за границей». Это ее испугало, и ей захотелось вернуться в родные края. В 1999 году сын помог ей купить квартиру в Угличе. Сюда из Харькова переехали с ней вся библиотека, коллекция грампластинок (их около 600 штук) и компьютер.

Снова потекла река жизни. Сын уехал в Америку, и они переписывались посредством электронной почты. На день рождения Сергея София Кузьмовна захотела сделать оригинальную открытку и зашла в графический редактор, где довольно скоро освоилась. Она стала рисовать различные картины и пересылать сыну. Он ее очень хвалил и всячески поощрял подобные занятия; не делая скидку на возраст, заставляет ее и сейчас овладевать самыми продвинутыми компьютерными программами. Старенький «Макинтош» сменила современная машина.

Но теперь у Софии Кузьмовны не хватает времени на рисование. Она работает над историей своей семьи, перезаписывает пластинки на CD и вышивает. Темп ее жизни поражает своей скоростью: о таком можно только мечтать, чтобы в 78 лет не иметь ни минуты свободы!

Уже совсем скоро София Кузьмовна снова уедет к сыну. Но она надеется завершить свои начатые картины и дописать семейную летопись...

Кирилл ВОРОНИН,
(«Угличская газета»)

Еще одно воспоминание

Братья наши меньшие

В деревнях истари домашние животные являлись членами семьи. Вот и у нас также было...

Была у нас корова Феня. С такой кличкой она была куплена. Мама хотела назвать ее коровьим именем Красотка, но корова на это имя не откликнулась. Так и осталась она Феней.

Надо сказать, что Феня оказалась с большим норовом. Она, например, не разрешала никому ее доить кроме хозяйки. Если мама отлучалась из дома, папа, идя на дойку, надевал платок, спускал его как можно ниже на лицо, надевал мамину куртку и фартук... Сначала все было хорошо, но скоро почувствовался неладный, незнакомый, Феня ногой ударяла по дойнику – молоко проливалось, а дояр едва успевал отскочить. Тогда ей стали связывать задние ноги, но Феня начинала так «танцевать», что скоро веревки оказывались на земле!

Дружила она с коровой необыкновенной серо-белой масти, которая еще и бодалась – так что к нашей Фене не вдруг-то можно было и подойти, когда ее нужно домой загонять. Если что ей не нравилось – фыркала и сердито мотала головой.

Когда мы продали нашу кормилицу Фенечку, свели ее новому хозяину на другой берег Пойги. Мама с папой пошли домой, а оглянувшись, увидели, что Феня бежит за ними по противоположному берегу реки и мычит. Сколько было у мамы слез...

Была у нас еще умная овца. За ее сообразительность мы ее так и звали Овца (с большой буквы!). Каждый год дарила она нам по четыре, а то и по пять кудрявых черненьких ягнят. Случалось, что кто-нибудь из ее деток загрузит – стоит, понурив голову; мы понимали: заболел малыш. Тогда завязывали ему животик чем-нибудь тепленьким, поили подогретым молоком из бутылочки с соской. И так до тех пор, пока больной не начнет «брыкаться» вместе с братьями и сестрами.

В дождливые годы речка Пойга разливалась и перед мостом образовывалась большая лужа. Чтобы попасть вечером с пастбища в наш двор при школе, наша Овца мужественно переводила все свое семейство через эту лужу: перед ней останавливалась, ждала, когда ее подопечные подтянутся и, убедившись, что все в сборе, издавала свое «беэ-э-э» и первой вступала в воду, а за ней и следом все... Нам не приходилось ее встречать и загонять – она сама вела детей и внуков своих в наш двор.

Говоря о наших животных, нельзя

не вспомнить и о нашем коте. Был он черный, а мордочка и грудь – белые. Звали мы его Черный дядя.

Был он воришка и плут. Втихомолку, когда никого не было рядом, подкрадывался к кринкам и лизал сливки. За обедом он непременно садился на лавку между мной и братом моим Борей. Сидел тихо, прищурив глаза, создавал видимость, что дремлет... Но если увидит, что мы положили на край стола что-то вкусное, сон у Черного дяди сразу пропадал; стремглав он лапой сбрасывал «добычу» на пол. Мама его за такие проделки ругала и называла самым обидным для кота именем «пес»: «Ах ты, пес несчастный!»

Самым интересным у нас был Шарик – дворняга. Брат взял его маленьким щенком, устроил ему постельку под лавкой, и он тотчас уснул.

Кормили мы его молоком и хлебом. Его навещала мать. Придет и незаметно уведет сынка домой. Так и помню улепетьвающую за мамой фигурку... Беглеца мы неизменно возвращали обратно.

Любили играть с Шариком в прятки. Боря просит палку, и, пока он бежит за ней, мы прячемся. Но искал он только Борю; найдет его и поиски прекращает, как-будто меня и не существует. Если же долго не может найти своего хозяина – заплачет.

Он был большим хвастунишкой. Дашь ему косточку – он не ест ее сразу, а бежит на дорогу хвастать. Это замечал его брат (большой и толстый пес) и тут же отнимал у Шарика лакомство. А наш Шарик, совсем как маленький ребенок, прижав ушки, с плачем бежит домой жаловаться. Та-

кое случалось не раз...

Как-то мы пошли с ним в лес. Ищем грибы. Шарик где-то бегаёт неподалеку. Вдруг слышим его лай, зовем к себе, и он, отчаянный, тащит во рту... ежа! И кладет у наших ног! Мы еле отвели несчастного пса от его «добычи».

Помнится, мы катались с братом в половодье на льдине по Пойге и заманивали Шарика на льдину разделить с нами это удовольствие, но безуспешно: пес убежал с речки – вероятно, струсил или понял опасность нашей забавы.

А однажды он вздумал поиграть с цыплятками, но зоркий глаз мамы-клухи заметил врага. Она бросилась защищать своих детей, вскопчила на спину неудачного игрока и стала долбить клювом его голову. Урок пошел на пользу: теперь Шарик стороной вдалеке стал обходить куриное семейство, глядя на него исподлобья, поджав хвост и прижав уши.

Взрослый Шарик был другом Бори, с радостным лаем встречал его, когда он на выходные приходил из Мышкина, где учился в средней школе, в каникулы друзья ходили вместе на охоту...

В начале войны Шарик по ночам (да иногда и днем) стал выть. Мы подумали, что ему одному на улице скучно, и стали брать его домой, но и дома собака продолжала выть... Боря ушел на фронт и пропал под Синявином. Вскоре после того, как пришло в нашу семью скорбное известие, Шарик куда-то ушел и больше не возвращался...

Римма Васильевна САХАРОВА,
п. Волга Некоузского района

Корова, пасущаяся в Кивее (возле Левцова).
Фото С. Темнякина, 1996 год

Прогулки по музею

Прогулка вторая:

Милая Мила в сени ходила

(Прогулку первую «Как на крыльчике-крыльце» смотрите в № 4 (129), осень 2004 года).

Сени

Сени – холонное помещенье в русской избе, соединяющее жилые покои со двором, где скотина. Потому то оне всегда темные: капельнее волоковое оконцо голомена света не пропустит. Ето неспроста – в крестьянской избе все продумано! Букарахи – мухи да пауты, комары да крюки – полохаются темняди, што маненькие дети, и крозь темные сени в дом не летят. В сенях хранят всякое именье, а мы затеяли стеранье по-кацки.

В начале было слово.

Происходило оно от древнерусского «сень» – «навес, дающий густую тень» – и в разные времена своего существования называло различные *тёмные* (то есть слабо освещенные) помещения. В Древней Руси сени – крытая галерея верхнего этажа княжеских или боярских хором, где устраивались пиры или торжественные приемы. В XV веке сени – просто прихожая, а с XVI столетия – скажем так, «коридор», соединяющий многочисленные жилые и хозяйственные «комнаты» в богатом доме зажиточного горожанина.

Но то в городе.

Сейчас даже не верится, что исконная крестьянская изба сеней не знала вовсе; сельчане догадались пристраивать их лишь в конце XVII столетия! И даже в начале XIX века, пишут исследователи, такую роскошь как сени имели при своих избах лишь немногие сельские богатеи. Стало быть, сеням в рядовой крестьянской избе – не более 150-200 лет!

В современных кацких домах сени – нежилая холодная часть здания, соединяющая жилые покои, крыльцо, чулан и двор. В многих уцелевших избах XIX века сени соединяют крыльцо и двор с зимнею и летнею половинами.

И тем не менее даже сейчас, на заре третьего тысячелетия, сени остаются сенями – темными! Единственное, как правило, небольшое (в этнографической избе Музея кацкарей – 28 на 20 см) оконце дает столь мало света, что даже в самый яркий солнечный день на сенях царит полумрак. Казалось бы, это очень неудобно, и прежде всего для самих хозяев: пока в *темнятках* (потемках) нужную дверь нашаришь – упадешь, руки-ноги переломашь! В довершение бед и электричество-то во всех без исключения современных кацких сенях включается только из жилых покоев – так что при случае и спасительную лампочку не скоро зажжешь.

Однако, в крестьянской избе все продумано. Сени – ее своеобразная буферная санитарно-гигиеническая зона, и первое назначение ее – препятствовать проникновению в дом насекомых. На дворе, где скотина, комаров да мух всегда полно, но они, словно малые дети, боятся темноты и в темные сени не летят, тем самым и в жилые покои не попадая. Вот ведь, оказывается, какая хитрость!

Но это не единственное предназначение сеней.

Сени – это еще и своего рода тамбур, препятствующий проникновению в дом холодного воздуха с улицы; это и дополнительная кладовая, где хранят всевозможные съедобные и несъедобные вещи – первым делом те, которые должны быть всегда под рукой. Благодаря сеням меньше грязи на обуви с улицы попадает в

дом. Бывало, сени обращались и в летнюю спальню – это в основном в старину, когда семьи были большими.

В сенях обычно устанавливают лестницу на чердак, обшивая ее тесом и нередко устраивая под ней дополнительное помещенье-кладовую. Ну и во всех сенных дверях (иногда – в стенах), кроме ведущей в избу, у самого порога устроены квадратные оконца сантиметров 11,5 на 11,5 – это для кошек, которые, как известно, гуляют сами по себе, попутно уничтожая мышей да крыс. Как все-таки все продумано в крестьянской избе!

Размерами же кацкие сени неодинаковы: их площадь в этнографической избе 8,81 кв. м (3,75 на 2,35 м), гостевой избе – 17,33 кв. м (5,25 на 3,3 м), в административном здании – 18,42 кв. м (6,35 на 2,9 м).

И все-таки жаль, что сени всегда темные, а ведь между тем они очень красивые помещения! И вся красота их в стенах: здесь они, как правило, некрашенные, мебелью не загороженные, сохранившие свет и сияние первобытной сосны.

В этнографическом музее кацкарей сеням отведена роль стирки по-кацки. Немного нетипично, но... В сырую дождливую погоду, дабы не разводить сырость в избе, случается стирают и в сенях, *расхлебастив* (раскрыв настежь) для светлоты крыльечную дверь.

Так что в сенях у нас предметы, имеющие отношение к стирке, сушке и глажению белья: ведра, коромысла, вальки, котолушки, утюги, корыта, стиральные доски – куда же без них. Приходите, посмотрите!

Вёдра-ушонки

Уши-то ести и у ведер у деревянных. Ето две часочки друг против друга, которые будут повыше и к которым прилаживаются дужки. Кацкари так и бахорят: «ведра с ушам», или спроста – «ушонки».

К сожалению, к тому времени, когда начала формироваться коллекция Музея кацкарей, старинных деревянных ве-

дер уже не н а х о д и л о с ь н и в б а б у ш к и н ы х п о д п о л ь я х (п о д в а л а х), н и н а б а б у ш к и н ы х п о т о л к а х (ч е р д а к а х) – и х в ы з в а л с ь с д е л а т ь м а р т ы н о в с к и й м а с т е р С е р г е й М и х а и л о в и ч Е р ш о в . О н 1 9 4 8 г о д а р о ж д е н и я , н о д е т с к о й

Мартыновский мастер С.М. Ершов и сделанные им ведра-ушонки.

Фото С. Темнякина

памятью застал время их широкого бытования.

– Дак как же мне деревянного ведра не знать! – воскликнул он, – онул в нем!

– Тонул!?

Оказалось, все было еще в ту счастливую пору, когда он и ходить-то не умел – елозил на одной ноге. Мать полы моет, а малыцу любопытно: что же там, в высоченном для него деревянном ведре? Батюшки светы – собственное отражение! И вот, улучшив момент, когда мать отлучилась на мгновение, юркнул в ведро, к отражению, да так, что застрял в нем – только ноги торчат. Позамешкалась бы мать с делами – *верняка* (наверняка) бы захлебнулся...

Что ж, после такого рассказа мы в Сергея Михайловича поверили, заказ поручили, и вот ранней весной 2005 года два новеньких аппетитно пахнущих деревом ведерка стояли перед восхищенными нами. Мастер не захотел их делать одинаковыми: при равной высоте одно чуть шире другого – диаметрами 29 и 26,5 см.

Ахнув, мы все-таки пораскрывали энциклопедии, чтобы проверить насколько современный мастеровой человек остался верен традиции и так далеко ушел от нее.

Итак, «ведро – емкость для переноса воды, – читаем у петербургского этнографа И.И. Шангиной. – Представляло большой сосуд цилиндрической формы... с дужкой, протянутой от края до края».

Все верно, и даже дужки имеются! В старину их, бывало, делали из *гнутких* (гибких) *брыда* (ивы), черемухи или сирени, а позже все больше металлические. У Сергея Михайловича – тоже металлические с деревянными рубашками под ладони для легкого бранья.

Деревянное ведро – посудина бондарская, собирается из дощечек-клепок, которые кацкари называют *часточки*. Их Сергей Михайлович сделал из сосны и не ошибся: сосна, а еще ель и осина издревле считались самыми подходящими для изготовления ведер – и легки, и прочны, и влагоустойчивы. Длина наших часточек 6,5 см, высота – 30 см, а ширина (в данном случае толщина) – 1,5 см. В ведре поуже часточек 14-ть, в ведре пошире – 15-ть, стянутых металлическими обручами. *Уторы* (бороздки в нижней части клепок-часточек для вставки дна) для пущей прочности промазаны клеем – это уже современный прием.

По две часточки друг против друга в каждом ведре на 5 см выше своих сестричек – к ним и крепятся дужки. Стало быть, Сергей Михайлович изготовил ведра «с ушам»; *ушонки* – так называли таковые кацкари.

Ну и самый трудный тест для современного мастера – на вместимость. Дело в том, что ведра в старину изготавливались обязательно, как тогда говорили, «в подъем» женщине – то есть такой емкости, чтобы хозяйка смогла поднять и принести пару воды. Причем само это понятие «в подъем» на протяжении столетий практически не менялось: если в XIV-XV веках в Великом Новгороде эталоном считалось 11,75-литровое ведро, то в начале XX века емкость общерусского мерного (его еще называли казенное) ведра равнялась 12,29 литра. И кто это только прозвал женский пол слабым?...

Но мы о ведрах, изготовленных С.М. Ершовым – какова их вместимость. Сгорая от нетерпения измеряем: 11 и без малого 13 литров воды – все в допустимых пределах погрешности.

Тест пройден!

Вот так на заре III тысячелетия родились подлинные этнографические образцы традиционной кацкой культуры, и сотворил их мастер, энциклопедий не читавший. Связь времен и поколений не прервалась, слава Богу...

Ну а ведра помимо носки воды зачастую использовались и как мера сыпучих тел или жидкостей. Ну кто не слышал, например, о сорокаведерных кадушках? И по сию пору, бывает, кацкари по большим праздникам го-

товят в русской печи ведерные чугуны тушеной картошки. Ведерные – это хорошо, значит, всем гостям хватит.

Коромысло

Кацкое-то коромысло не гнуткое, а долбленое – уж больне для зыканья воды подашливое. На плечах што влитое сидит, не режет и не натерает – хоть до Углека маскаль, устатку не будет!

**Меня милка изменила –
Бабы видели в куты:
Неужели мне такого
Коромысла не найти!?**

И сейчас вполне возможно увидеть в деревне человека с коромыслом. Еще бы, ведь это очень удобное приспособление! Даже самые полные ведра не кажутся такими тяжелыми – это раз. Пыльца и семена трав в воду не так сыплются – это два. Зимой ведра на коромыслах не задевают снежных отвалов по краям *глобки* (тропки) – это три. Ну а осанка-то, осанка при ношении воды при помощи коромысел как выпрямляется – это четыре.

В общем, совсем не случайно люди не расстаются с этой нехитрой вещью со времен Киевской Руси: самое старое коромысло археологи откопали в Великом Новгороде. Оно оказалось XI века и дугообразным – совершенно такими же, как и тысячу лет спустя в русской деревне. В русской, но не кацкой!

В Кацком же стане заезжий гость не сразу и дагадется, что перед ним человек с... коромыслом! А все потому, что мы настолько привыкли именно к гнутым коромыслам, что даже уважаемый словарь Ожегова и Шведовой дает этому предмету однобокое толкование: «Толстая изогнутая деревянная планка с крючками или выемками на концах для ношения ведер на плече».

Но то-то и оно, что кацкое коромысло – абсолютно прямое долбленое бревнышко! Такие в науке называются «вырезные с подвесами» и более известны у народов Западной Европы или же на русском Западе – воистину, путешествия вещей и их заимствования порой неисповедимы...

Изготавливается кацкое коромысло из нетолстого круглого в течениях, чаще елового (ель легче, но на худой конец сгодится и осина) бревешка диаметром 11,5 см и длиной 106. Концы заузаются до 3,5 см в диаметре и иногда для прочности стягиваются железными кольцами. К концам крепятся металлические подвесы – цепи с крюка-

Сотрудница Музея кацкарей Анастасия Румянцева демонстрирует кацкое коромысло.

Фото С. Темнятина

ми – длиной 61,5 см. Середка выдалбливается под определенные предплечья и для определенной же шеи делается выемка – в общем, кацкое коромысло, что костюмчик: каждое, изготавливаясь под конкретного человека, имеет свой размер. Большинство коромысел Музея кацкарей происходят из деревни Мартынова и выполнены замечательной ее жительницей Маней Ландик, которая, впрочем, умела и крышу покрыть, и косу выбить, и теленка зарезать. Есть женщины в русских селениях...

Сами же кацкари своим коромыслом не нахвалятся, считая его гораздо удобнее общерусского: «на загорбке что влитое сидит, *не шелохнется*». А самые *бережные* (берегущие себя) из девушек, чтоб совсем уж *плеча* не натирало, клали под коромысло шарф или платок. Тогда уж – точно – в пору до Углич идти!

Корыто

И робенка оградить, и скотину накормить, нарубить щоницы или зыкнуть с горки – со всем етим струшням без корыта не совладать. Ну а коли за стеранье примешься – без корыта и вовсе нечего дековаться.

«Интересно посмотреть, что за дерево... корыто?» – приговаривают обычно кацкари, когда вдруг завладеет ими непреодолимое чувство любопытства. А и в самом деле: корыто – дерево какое?

Либо липа, либо ветла, либо осина – сообщают всезнающие справочники, но кацкие корыта сплошь осиновые: липы в наших довольно-таки северных широтах очень мало, а ветлу в качестве столярного материала кацкари что-то всерьез не воспринимают. Осины же на наших болотах сколь угодно, и древесина ее к тому же очень мягка – вот и делают из нее у нас в Кадке все те вещи, что на Руси принято изготавливать из лип. Одна беда: осина быстро темнеет да жуки-древоточцы ее уж чересчур жалуют... Но мы о корыте.

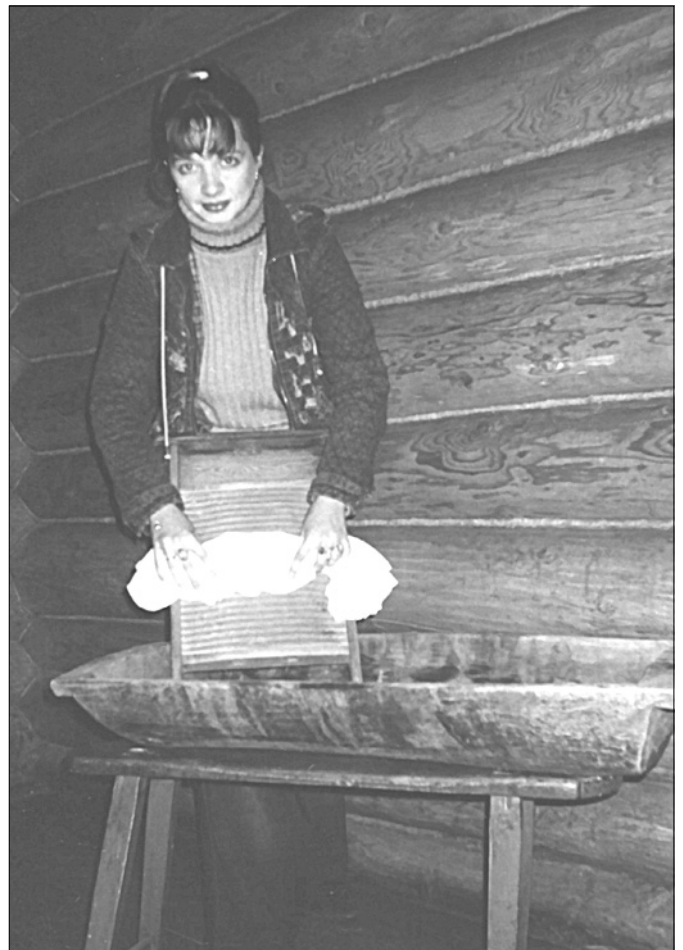
Ах, как просто и одновременно очень понятно умел растолковывать слова В.И. Даль: «Корыто – половинка расколотого бревешка, обделанная и выдолбленная с плоской стороны». И коротко, и по сути. Но от себя добавим: дно корыта для большей устойчивости стесывали.

Корыто – вещь очень древняя. Археологи находят корыта аж в слоях X столетия, причем по форме они точно такие же, как и тысячу лет спустя, в XX веке.

Требовались корыта в большом количестве: и белье постирать, и робенка искупать, и хлебы наместить, и скотину накормить... Потому над их изготовлением особо не мудрили, и выдолбить корыто при помощи специального топора-*тесла* когда-то умел практически каждый мужчина. Только вот в музеях такую распространенную некогда вещь теперь редко увидишь. Дело в том, что на подобные прозаичные вещи в свое время собиратели старины внимания не обращали, а теперь вот в пору локти кусать.

А мы не будем, у нас в музее осиновое корыто для стирки есть! Отыскали мы его в деревне Киндякове в заброшенном доме Орловых, бережем как зеницу ока и, конечно же, изучили вдоль и поперек. Знаем и длину – 92,5 см, и ширину – от 42 до 46 см, и высоту – около 15 см. Знаем каждую дырочку, каждую щелочку, которые, к нашему счастью, в корыте – пусть крохотные – но имеются. Почему «к счастью»-то? Да потому что благодаря этому изыкну юные посетители безоговорочно верят, что в нашем музее, и вправду, побывала старуха-капризанка из сказки А.С. Пушкина «Золотая рыбка» и скрепя сердце подарила-таки свое старое разбитое корыто... Нет худа без добра, как говорится!

Хотя, сказать по совести, старуха вряд ли отдала свое корыто в музей – будь оно хоть трижды разбитым. Нашла бы подо что его приспособить: высадила бы на по-

Экскурсовод Алена Дорофеева показывает, как стирали при помощи стиральной доски в деревянном корыте.

Фото С. Темнякина

доконнике огуречную рассаду или бы отвозила в нем по зиме со двора навоз. А потом, когда вконец разломанная и истерзанная вещь стала бы ни на что не годна, преспокойно сожгла б ее в печке, согреться тем самым в холодный час. Вот почему в музеях, действительно, очень мало таких, казалось бы, незатейливых экспонатов, как корыто.

Стиральная доска

Другие хозяйки по сей день мустят, што нет нечово любее стеранья, чем стеральная доска. Доскам обызьянивались в мелошных лавках, а щолок выробатывали сами, запаривая в русской печи жаратощной песок.

– Ба! Да это же обыкновенная стиральная доска! – обычно восклицают туристы. – Зачем же ее в музей?

И в самом деле, стиральная доска – вещь хотя из домашнего хозяйства стремительно уходящая, но всем известная: не сами стирали, так видели, как это старшие делают. А кое-кто в *укоронку* (тайком) признается, что несмотря на все «Боши» да «Тайды» до сих пор считает, что ничто лучше стиральной доски да хозяйственного мыла со стиркой не справится...

Тем не менее право быть в музее стиральная доска заслужила. Хотя бы потому, что этому изобретению не одна тысяча лет. Подумать только, стиральные доски были известны еще в каменном веке – при раскопках археологи неоднократно находили их! И были те первые доски, естественно, каменными, затем их сменили деревянные рифленые доски и, наконец, всем известные металлические.

Стиральная доска, выставленная в Этнографическом музее кацкарей, такова, какой ее, видимо, и выпускала промышленность: металлическая рифленая пластина 27 на 32 см в деревянной оправе 31 на 47 см с двумя короткими, 12 см, ножками. Удивляет другой образец – чрезвычайно маленький. Судите сами: 12 на 18 см в оправе 15,5 на 27 см и ножек в 5,6 см – вдвое меньше стандартного образца! То ли для стирки мелких вещиц, то ли детям на потеху – поди, разберись теперь...

Хороша стиральная доска, да надобно и мыло, которое, впрочем, в кацкой деревне (да и в русской вообще) считалось скорее роскошью, нежели предметом обиденным. Обходились *щолоком* – настоем золы. Как его изготовить, знал каждый: уголья после протопки русской печи *заметались* (сгребались) к одной ее стороне – в *жаратошник*. Там они перетлевали, превращаясь в золу, а по-кацки *жаратошный песок*. Сеяли жаратошный песок в решето, чтоб окончательно избавиться от всех угольев, и насыпали в чугунок или корчагу. Заливали водой и ставили в русскую печь – щолок готов. Горячим щолоком не только стирали – им и мылись; правда, он сильно обесцвечивал волосы и в наказание за чистоплотность кацкие модники и модницы рано седали.

Знавали кацкари и поташ – щелочную соль, вывариваемую все из той же золы. Во всяком случае, в сельце Апраксине у барина Петра Петровича Батурина до его смерти в 1807 году поташный завод работал. Кстати, от поташа до мыла – один шаг, надо лишь добавить сало. Однако, делал ли барин мыло или нет, остается загадкой...

Валек-колотушка

Чого грубое (половики, штаты или постельники), дак из корыта-то прямехоньке не отжамаючи несли на коромысле на реку. А тамотки на камне на отвойном починали валькем-колотушкою отстукивать: воду льют и хлопают, а то и елозят валькем-от – только стон стоит!

Муж на то и муж, чтобы однажды явиться домой совершенно грязным: еще утром, казалось бы, надел чистой *сряду* (одежду), а к вечеру она уже *присеки огня* (очень грязная). Кого что, а кацкую женщину в таких случаях всенепременно выручит валец-колотушка – вещь незаменимая: можно и неряшливого муженька поколотить для науки хорошоохонько, но лучше, вздохнув глубоко и прихватив «уделанные» портки, бежать на речку, чтобы отстукать их до прежней чистоты.

Итак, валец – это деревянная пластина с рукояткой для выколачивания белья во время стирки. Специалисты пишут о прямоугольных и трапецевидных вальках; для Кацкого стана более характерны прямоугольные. Чтобы увеличить силу удара для лучшего выколачивания грязи, валец обычно делали слегка изогнутым в средней его части.

Вообще, усредненный кацкий валец, как это видно из собрания Музея кацкарей, имеет длину порядка 33,5 см, из которых 23 см приходится на рабочую часть и 10,5 см – на рукоятку, конец которой утолщен или имеет небольшую набалдашину, чтобы не вы-

кальзывал из руки. Ширина типичного кацкого валька – от 7,5 до 9,5 см, а высота (в данном случае толщина тобишь) колеблется от 3 до 4 см.

Это приспособление распространено повсюду на Руси, правда, везде имеет разные названия: чаще всего валец, но в иных местах и варга, и лапта, и портомойник, и пральник. В Кацком стане обычно его называют тоже валец, но могут и колотушкой, потому как им колотят – отстукивают белье, выколачивая из него грязь.

Как правило, вальком-колотушкой пользовались при стирке грубых вещей: мешков, половиков, постельники, все тех же мужниных портков. Простирнув грязную вещь с щолоком в корыте и не выжимая ее, несли на коромысле к реке. Расстелив на удобном плоском камне, поливали водой и стучали, а то и *елозили* (с силой терли) – грязь отходила, и вещь становилась чистой.

Обычно у каждой деревни были свои излюбленные места на реке, где в урочный час собирались деревенские бабы и за разговорами о семейном житье-бытье незаметно для себя отстукивали каждая свои грязные вещи. На Владышине, например, очень любили большущий камень на Девичьем бочаге – сколько бабих тайн знает он, один Бог рассудит! А чтобы ненароком не перепутать вальки, метили их верхнюю сторону в разное время по-разному: доколхозную старину *метами* – своеобразными крестьянскими гербами, передававшимися из поколения в поколение, а в колхозные времена – собственными инициалами.

В Музее кацкарей есть подобные образцы. Так, на вальке-колотушке из Дьяконовки – мета «*полетавка*» («бабочка»), больше похожая, пожалуй, на лежачие солнечные часы. Все знали в округе, что эта вещь Лепешкиных, потому как именно их семье принадлежала сия мета. На другом вальке из той же деревни вырезано ножичком «Е. К.» Кто такая? Екатерина Комякова – кажется, никого более оттуда с такими инициалами мы не знаем...

Но особенно хороши подарочные колотушки. Да, да, вы не удивляйтесь: как сейчас женихи своим невестам или мужья женам дарят утюги да кухонные комбайны, так и сто лет назад дарили вальки да рубеля. Зато какие! Свадебный валец из собрания Музея кацкарей – настоящий колотушечный аристократ, если хотите. Он и размерами-то своими изящнее, утонченнее: длина 43 см (31 см рабочая часть и 12 – рукоятка), ширина – 10,5 см, высота – от 2,5 до 3 см. Низ, как и положено, ровный да

Валец-колотушка подарочный.

гладкий, а верх изобилует *вырезами* (узорами). Здесь и столь любимые кацкарями полусолнца – Белый Коровы, и вспаханное поле, и проросшие семена. Цвет, естественно, красный – все проникнуто символами плодородия. Мартыновская жительница Анна Васильевна Щенникова, Царствие ей Небесное, передавала сей валец-колотушку в музей с особым трепетом:

– Это мамы моей память, – пояснила она, – Матрены Кринкиной из деревни Кузьмадемьянки. А уж откуда у ней валец-от взялся, не знаю-не ведаю...

Валец с каталом

Льняное-то полотно грубое, дак его подашливее всего не утюгом отглаживать, а гладильным валькем. Нужно тольке чуть волглое ишшо намомать на катало и валять по столу – три дела приделаешь: и досушишь, и розмяхчишь, и выгладишь!

Бывает же так: живет себе человек, детей растит, трудится, то радуясь, то печалясь, и знать не ведает, что остаться ему в памяти не по делам своим, а из-за какой-нибудь совершенно никчемной на первый взгляд вещицы. Вещицы, которой он при жизни и значенья-то не придавал!

Думалось ли Екатерине Серебряковой из деревни Мартынова в том далеком уже XIX веке, что спустя сто с лишним лет ее будут поминать несколько раз на дню исключительно из-за принадлежавшего ей когда-то... гладильного *валька*?

А случилось так: в середине 1990-х годов деревенский парнек (теперь уже юноша) Дима Преснов возьми да и предложи: «Не надо ли вам валька? У нас на чердаке валяется, правда, не очень приглядный». Мы тогда еще все подряд собирали – конечно же, надо! Валец действительно, оказался не лучшей сохранности и рисунок на его лицевой стороне почти не проглядывался, зато вырезанная ножом надпись читалась почти вся: «1882 года февраля 15 дня сей валець сделан на ...ать Катерине Серебряковой Иванъ...»

Не иначе, жених невесте в подарок, сразу решили мы – как сейчас утюги, так раньше вальки в качестве свадебного подарка были широко распространены. В Музее кацкарей подобных подарочных вальков несколько – чудо, как хороши! Причем орнамент всех их абсолютно одинаков (то ли мастер один делал, то ли традиция была крепка): «белые коровы» (солнечные розетки), дарующие достаток и счастье, и «вспаханное поле» (комбинация треугольничков, составляющих ромбы и квадраты), несущие плодородие и обеспечивающее рождение детей. Символика для молодоженов, согласитесь, самая актуальная!

Кстати, гладильный

валец не следует путать с вальком-колотушкой; хоть внешне они и похожи, но последний служит для стирки, а первый – исключительно для глажения. Для этого на длинную круглую в сечении палку (по-кацки *катало*, на литературном языке «скалка») плотно наматывали слегка влажную ткань, накладывали сверху валец и начинали *валять* – двигать его правой рукой взад-вперед, левой прижимая к каталу. Наиболее удобными считались, говоря по-кацки *вальки с передком* – набалдашиной, за которую левой рукой и держались.

(И вот вам наблюдение: лен лучше всего отглаживается как раз не современными электрическими утюгами, а вальками с каталом. Дело в том, что льняная ткань грубовата, а валец и размягчит, и выгладит, и досушит).

Размерами гладильные вальки всегда много крупнее валька-колотушки: представленные в Этнографическом музее кацкарей образцы имеют длину от 60 до 64 см (в том числе рабочей части от 46 до 53,5 см), ширину – от 10 до 12 см, вышину (толщину то бишь) – от 2,5 см до 4-х.

Низ рабочей части тоже разный: у колотушки он гладкий, у гладильного валька – с поперечными рубцами числом от 22-х до 38-ми. Рубцы, надо сказать, – важная часть этого инструмента: благодаря им катало катается много легче. Не случайно в русском литературном языке этот предмет по рубцам и назван – «рубель», однако кацкари его так никогда не называют и даже слова такого не знают. Для них он только валец – по действию *валять*, то есть катать, бельё.

Вообще-то вальков-рубелей в собрании Музея кацкарей *галамёно* (много), но из головы не шел подаренный Димой Пресновым – тот самый, свадебный, Екатерины... Ведь и дата, и место известны, да и род Серебряковых, правда, по женской линии, в Мартынове еще не пресекался. Неужели не отыщем хозяйку в документах Угличского архива?

Нашли! Екатерина Сергеевна Серебрякова (если не было еще какой другой) родилась 14 ноября по старому стилю 1855 года в семье мартыновских крестьян Сергея

Вот так, как показывает сотрудница Музея кацкарей Ольга Розова, когда-то и гладили.

Фото С. Темнякина

Валек гладильный подарочный.

Назарова и Маремьяны Александровой. К началу XX века они сменяют фамилию на Назаровы, но в 1882 году именовались еще Серебряковыми. Их дочь Екатерина была, по представлениям XIX века, уже в годках, когда, наконец, в 26 полных лет («Перестарок!» – судачили старики) не нашла своего счастья, выйдя замуж в какой-то чужой приход. Господи, и ведь ничего в деревне Мартынове от того семейного союза не осталось: ни могил, ни потомков – а какой-то валек в музейной экспозиции, поди ты, все никак не дает забыть, что любовь-то была...

УТЮГ

Утюгов-от в грустные времена было бознамо сколько! Цельнолитые нагрелись на горячих на кирпичках; утюги со кладивом – отто раскаленной в печи чугунной доски; духовые – от углей, а паровые – отто крутого кипятка прямехонько из вспорхнувшего кипятшника.

В ходе любой, даже самой серьезной и наивысшей, экскурсии хочется немного позабавиться или даже созорничать. Вот и сотрудники Музея кацкарей, указывая на железные утюги, которые, кстати сказать, многим посетителям хорошо известны, обычно предлагают:

– А давайте сыграем в «Как стать миллионером!»

От перспективы выиграть миллион, пусть даже мифический, еще никто не отказывался.

– Миллион получит тот, кто сумеет выбрать правильный ответ на вопрос: «Глядя на какую часть человеческого тела человек лет пятьсот тому назад смастерил первый утюг? Он смотрел на щеку, ладонь, ступню или заднее место?»

Это какое-то наваждение, но отвечать все почему-то начинают именно со щеки, продолжают ладонями да ступнями и только потом уже, смущаясь и краснея, робко называют то самое место, которое на самом деле вдохновило человечество на изобретение утюга.

Ведь как было в старину-матушку? Выстирала Дуня сарафан, а вечером на беседу. Что делать!? Расстелет Дуня сарафан по сундуку и усядется, а усевшись, сделает сразу два дела: и досушит сарафан, и выгладит. (Тут мужчины обычно рассказывают, как они в студенческие годы кла-

ли под тюфяк на ночь брюки. Отглаживались так, что даже стрелочки были!)

Но мы о Дуне, сидящей на сарафане. В конце концов мастеровые люди призадумались: ну чем же заменить это самое горячее дунино место? Сначала, говорят, уголья в сковородку насыпали, а потом уже додумались и до утюга.

Кстати, все это не плод фантазии воспаленного ума экскурсоводов, а пересказ одной из глав детской энциклопедии «Я познаю мир». Вот о чем, оказывается, подрастающему поколению пишут...

В Этнографическом музее кацкарей старинных железных утюгов несколько десятков, и их коллекция постоянно пополняется – до электрификации этот предмет был практически в каждой избе. А вот когда он появился в наших краях, можно сказать лишь приблизительно. Извест-

на, например, подробнейшая опись приданого дворянской дочери Анны Андреевны Тютчевой из сельца Знаменского, вышедшей 13 февраля 1758 года замуж за апраксинского помещика Петра Петровича Батурина. Так вот: чего в ней только ни указано, даже кружка оловянная, а утюга нет – значит, в середине XVIII века его еще не было даже у кацкой знати. Другая опись, кстати, того же апраксинского имения, только от 1808 года, застает в барском доме несколько утюгов. Стало быть, утюг в Кацком стане появился где-то ближе к концу XVIII столетия.

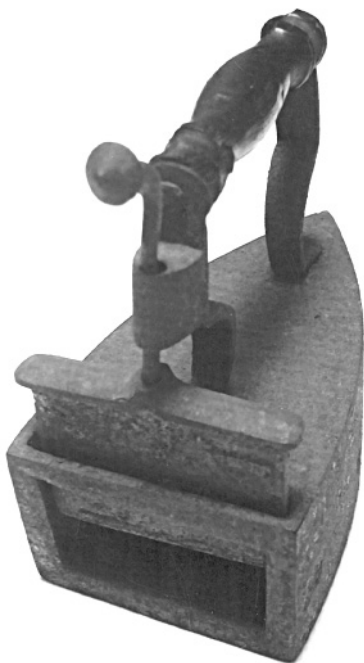
А между тем известна точная дата первого его упоминания у русских (изобрели утюг, поговаривают, китайцы). В книге записей царицы Евдокии – супруги государя Михаила Федоровича Романова – под 1636 годом есть такая запись: «Генваря в 31 день, кузнецу Ивашке Трофимову 5 алтын, а он за те деньги сделал в Царицыну палату утюг железный».

Подобных цельнолитых утюгов, которым великий Даль дал такое определение: «Чугунная или железная остроносая плашка с ручкой, накаляемая для глажения» – в Музее кацкарей достаточно. Есть очень тяжелые – пятикилограммовые, есть и полегче – с килограмм: отглаживать оборочки, рюшечки, манжеттики и прочие дамские штучки. Нагрелся такой утюг на кирпичках жарко

Утюг цельнолитой.

Фото Олега РЫБАЙЧУКА

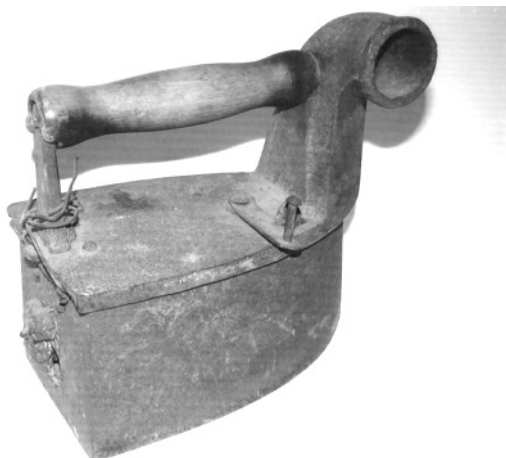
Утюг со вкладышем.

Фото Олега РЫБАЙЧУКА

Утюг духовой (угольный).

Фото Олега РЫБАЙЧУКА

Утюг паровой.

Фото Олега РЫБАЙЧУКА

истопленной печи; вместе с ним накалялась и железная ручка, но не беда – ее прихватывали тряпкой.

Следующий тип утюга, который есть в собрании музея, появился в XVIII веке, был придуман рабочими Демидовского завода и назывался «утюг со вкладышем». Чугунный вкладыш раскаляли во все той же печке, выхватывали из огня специальным прутом и вставляли во внутрь полого корпуса – утюг и нагревался.

Любопытно, что составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль, живший в 1801-1872 годах, знал только эти две разновидности утюгов – следовательно, всем известный духовой утюг появился после его смерти, в конце XIX века. По сути, это самая настоящая мини-печь, топившаяся древесным углем: отверстия внизу корпуса – поддувала, вверх – чтоб дымок выходил. Все это создавало тягу: уголья тлели, утюг грелся. Чтобы было побыстрее да погорячее, хозяйка могла, взяв утюг в руки, сделать несколько резких взмахов: угли разгорались и днище утюга нагревалось до малинового цвета. Совсем как в песне: «Тюх-тюх, тюх-тюх, разгорелся наш утюг!»

Четвертый тип старинных утюгов, представленных в музее, – паровой. Очень он, кстати, похож на пароход – особенно своей трубой. В полость утюга заливали крутой кипяток, отчего утюг нагревался. Возможно, не так сильно как от угольев, но зато, подержав ткань перед трубой, из которой валил пар, можно было ее и отпарить.

Электрические утюги, появившиеся у кацкарей лишь в 1960-70-е годы, в Музее кацкарей не представлены – это уже совсем другая эпоха. Однако форма их до сих пор остается неизменной – однажды удачно придуманная «остроносовая плашка».

К этому прибавим, что сами кацкари утюгов никогда не делали – все они в Кацком стане привозные: есть с клеймами русских фирм, есть зарубежных. А после революции лидером по производству духовых утюгов, видимо, стала Рязанская область – большинство утюгов из собрания музея имеет клеймо тамошнего города «Касимов».

ИСТОЧНИКИ:

1. Полевые записи этнографических экспедиций по Кацкому стану, 1991-2005 гг.;
2. Шангина И.И. «Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь», Санкт-Петербург, 2003 г.;
3. «Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия», Санкт-Петербург, 2004 г.;
4. Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка», тома первый-второй, Москва, 2002 г.;
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского языка», Москва, 1995 г.;
6. «Ярославский областной словарь», тома первый-десятый, Ярославль, 1981-1991 гг.;
7. Черных П.Я. «Историко-этимологический словарь современного русского языка», Москва, 1999 г.;
8. Андреева Р.П. «Этимологический словарь для школьников», Санкт-Петербург, 2004 г.;
9. «Я познаю мир. Детская энциклопедия. История вещей», Москва, 1998 г.;
10. «Валек – это не то что валится, а рубель – это не деньги» // «Куть» (научно-познавательная газета музея Мифов и суевий русского народа), Углич, выпуск 2, июль 2004 г.;
11. «Ничего себе приданое!» // «Кацкая летопись», № 3 (124), лето 2003 г.;
12. Третьякова Т.А. «Дворянское сельцо Апраксина на рубеже XVIII-XIX веков» // «Кацкая летопись», № 7-8 (102-103), июль-август 2000 г.;
13. Третьякова Т.А. «В гостях у барина (барский дом сельца Апраксина в начале XIX века)» // «Кацкая летопись», № 7-8 (120-121), осень 2002 г. – № 1 (126), зима 2004 г.;
14. УФ ГАЯО, фонд 90, опись 1, единицы хранения 712 и 713 «Метрические книги церкви села Юрьевского за 1847-1892 гг.»

Переписка с читателями

Была и в Толстикове школа

Толстиковский паренек Александр Федулов и девушка-рабочая с рыбинского завода-шефа. Около 1958 года.

Позади здание второй Толстиковской школы – то самое, которое первоначально было построено в деревне Черницыне в 1903 году богатым кацкарем, санкт-петербургским купцом 2-й гильдии Александром Ивановичем Шалимовым и именовалось гордо «Черницынское земское училище в память Императора Александра II». В конце 1930-х здание было перевезено в Толстикове под сельсовет, а затем вновь под школу, но на этом его путешествия не закончились. В 1962 году его вновь разобрали, чтобы собрать уже в Платуново – под фельдшерско-акушерский пункт. В 1988 году, когда ФАП перевели в современное помещение, оставленное здание подвесили, обшили и приспособили под жилье – сейчас в нем проживает семья агронома СПК «Новая жизнь» Марии асильевны Ильиной. Ведает ли она, какая у их дома богатая история?

Фото из семейного альбома ВОРОБЬЕВЫХ (д. Платуново)

Читатели нашей Платуновской стороны сразу заметили, что на карте «Школы Кацкого стана», опубликованной в № 1 за этот год, нет Толстиковской школы. А между тем немало наших земляков являются ее выпускниками!

Они припомнили, что здание под Толстиковскую школу строилось в 1936-37 годах, а в 1938 году она приняла своих первых учеников. Здание было большим, в нем не только учебные помещения располагались, но и квартировали учителя Екатерина Александровна Левикова, Клавдия Федоровна Скотникова и Зинаида Петровна Венедиктова с семьями. Хватило места и для семьи уборщицы Александры Васильевны Крюковой.

После открытия школы в Толстикове, Платуновскую и Черницынскую школы закрыли. Здание Чер-

ницынской школы перевезли в Толстикове же (этим занимался плотник Василий Флегонтович Ершов) и поставили рядом с новой школой. Оно было меньших размеров, и в нем разместили сельсовет.

С 1943 года дети платуновских деревень стали учиться во вновь открытой Костевской школе, и в Толстикове учеников заметно поубавилось – Толстиковскую школу перевели в соседнее здание сельсовета, а оставленное большое здание сначала использовали как клуб, а потом перевезли в Климатино под школо-семилетку.

Школа в Толстикове работала примерно до 1962 года (в те времена учила Людмила Иосифовна Валуй), а потом ее перевели в соседнее Крайново. Правда, название не меняли – школа в Крайнове продолжала называться

Толстиковской.

**Валентина Николаевна
ИВАНОВА,**

д. Платуново, Нижняя Кадка

Исследование Валентины Николаевны само по себе очень полно, но нам захотелось посмотреть, что добавят к нему документы, хранящиеся в Угличском архиве. А они подтверждают каждое слово нашего внимательного читателя!

В 1937 году в Платуновской начальной школе учился 61 ребенок, в Черницынской – 60. Числа по нашим дням немаленькие, но в те времена страна жила гигантоманией, вот и Платуновский сельсовет вел свою великую стройку – новую школу в деревне Толстикове. Строили всем миром, на пленумах сельского совета решая, сколько каждая деревня выделит людей и подвод. В 1936 году, например, было задействовано 136 лошадей, в 1937 – 132. Кирпич возили из Потапова, песок и камень – с реки (какой, в документах не указано). И вот в 1938 году новая Толстиковская школа взамен Платуновской и Черницынской открыта – 111 учеников в четырех классах, красота!

Однако с 1943 года обособляется Костевская школа, и детей сразу уменьшилось вдвое, а затем и вовсе стал таять народ, как снежок вешний. В 1959 году в Толстиковской четырехлетке учились 18 детей, в 1968 (к тому времени школа, действительно, располагалась уже в Крайнове – 9, а в 1971 году – всего бучеников. Школу закрыли, детей перевели в Костево, а последнюю толстиковскую учительницу Татьяну Александровну Кудряшову – в село Егорьевское воспитательницей интерната тамошней восьмилетки.

В заключение хочется поблагодарить наших платуновских читателей – если бы не они, мы бы еще не скоро узнали, что и в Толстикове была своя школа...

Ваша «КЛ»

Узелки на память**Как в музее кацкарей****МУЗЕЙ КАЦКАРЕЙ В 2004 ГОДУ**

Понимаем, что год минувший уже давно история, но все-таки запишем для памяти основные показатели работы Этнографического музея кацкарей. Итак, в 2004 году деревня Мартыново встретила 223 туристических автобуса с 7629-ю экскурсантами. Для них были проведены 129 путевых экскурсий «Мышкин-Мартыново» и 35 – «Углич-Мартыново», 8 экскурсий по деревне и 612 по музею, сыграны 163 представления народного театра комедничаний «У Бабы-Мани» и проведены 83 игры «Настоящий кацкарь». Русскую печь для приготовления так полюбившихся гляженным томленной картошки и топленого молока затапливали 247 раз.

ПОЕЗДКИ БЛИЖНИЕ И ДАЛЬНИЕ

По-прежнему широко участие сотрудников Музея кацкарей во всевозможных музейных и туристских мероприятиях: в первом полугодии 2005 года пройдена очередная недельная стажировка в санкт-петербургском Российском этнографическом музее, участвовали в семинарах в Гаврилов-Яме, Мышкине, Нерехте Костромской области и даже в селе Кукобой, что на самой границе с Вологодчиной.

КАЦКАЯ МАСЛЕНИЦА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

И где только, и кем только ни приходится бывать работникам музейно-туристической сферы! В прошедшую Масленицу сотрудники Музея кацкарей примерили шкуру профессиональных актеров. Столичное «Творческо-производственное объединение телевизионно-документальный фильм» с каждым из них даже саамы настоящий договор заключило! А снимали в Мартынове документальный фильм из цикла «Прикосновение к России»: кацкари показывали Масленицу, сыгранную по старинным кацким обычаям. Работали целый день, репетиций и дублей было немало, только сами – увы – этого фильма не увидят: он предназначен исключительно для экспорта за границу.

«СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ» У КАЦКАРЕЙ

25 мая 2005 года директору музея кацкарей С.Н. Темняткину вручили диплом I степени национальной общественной премии «Серебряный голубь» в номинации «Литература и искусство». Это за книгу «Моя Кацкая Русь». Приятно все-таки, что все кацкое сегодня настолько популярно и востребовано, что и на общероссийском уровне ценится. И обидно, что сами-то мы, кацкари, все никак не можем этого понять...

В МОСКВУ! НА ВВЦ!

И вновь Москва. Теперь уже Всероссийский выставочный центр, который многие еще называют по-старому – ВДНХ. Здесь, на выставке-форуме «Здоровье нации – основа процветания России», прошедшей с 1 по 5 июня 2005 года, нашлось место и для Этнографического музея кацкарей.

Причем, конкуренция за это самое место была достаточно жесткой: Ярославская область отбирала для показа в Москве всего восемь проектов социальной сферы: здравоохранения, образования, молодежной политики, спорта и культуры. Музей кацкарей, как оказалось, единственный из музеев на всей выставке, прошел! Был оформлен красивый его уголок, а сами сотрудники для тех, кто им заинтересовался, подробно рассказывали и о кацкарях, и о музее, и о том, как до Мартынова добраться. Между прочим, самой именитой собеседницей была многократная чемпионка мира по фигурному катанию Ирина Роднина.

Туристический автобус в Мартынове.

План Нефедьевской школы

План (без масштаба) здания дореволюционной Нефедьевской школы составлен на основе карандашного наброска, выполненного которой-то из учительниц школы в «Сведениях о Нефедьевском училище за 1912 год» (УФ ГАЯО, ф. 82, оп. 1, ед. хр. 344).

Реконструкция С. ТЕМНЯТКИНА